

Мифы и были
Челябинска

ББК 947.055
УДК 63.3(2Рос-4Че)
М68

Идея создания свода челябинских мифов – *Александр Попов*

Идея проекта «Мифы и были Челябинска» – *Игорь Розин*

Составление книги – *Игорь Розин, Константин Рубинский*

Автор фотоколлажей для книги – *Александр Потапов*

Авторы текстов:

Михаил Фонов, Александр Попов, Константин Рубинский, Сергей Ефремцев, Вячеслав Лютов,
Леонид Пивер, Александр Чумовицкий, Нелли Ваторопина, Сергей Нефедов, Ростислав Ярцев

М68 **Мифы и были Челябинска.** – Челябинск / Нью-Йорк: Издательство Игоря Розина, 2016. – 116 с. (Илл.).

ББК 947.055
УДК 63.3(2Рос-4Че)

© Тексты – коллектив авторов, 2016
© Фотоколлажи – Александр Потапов, 2016
© Подготовка, оформление – Издательство Игоря Розина, 2016

Об этой **книге**

Любой город живет своей особенной, таинственной жизнью. Мы только думаем, что она понятна и очевидна, что можно вытянуть ее в линию, заключить в рамки хронологии, сделать внятной и скучной, как скелет под лучами рентгена. Но возможно, что на самом деле это в нас говорит наше ненасытное желание подчинять себе мироздание. Возможно, будь у нас выбор, мы, современные люди, предпочли бы играть в кубики, а не строить волшебные замки из песка.

Однако город, как таинственный лес – он живет по своим, нам мало ведомым законам. Он дышит, как лес, и как великан, и как людоед в лесу, и как благородный принц, и принцесса, и злой разбойник из сказки – одновременно. Город, любой, а тем более современный, впитал в себя всё, что есть в человеке, в каждом из нас, во всех нас вместе. Впитал, вобрал, непрерывно вбирает – и этим и жив.

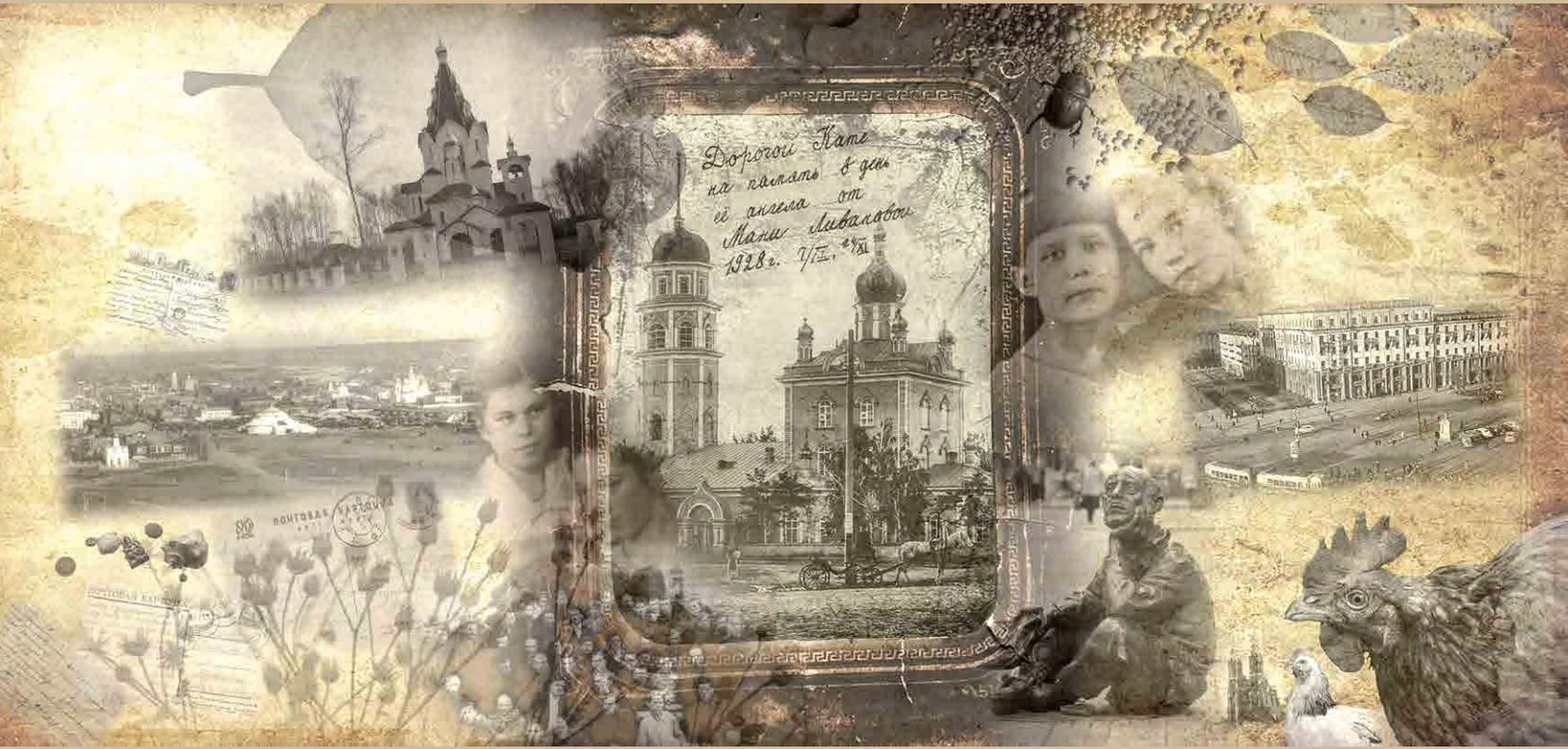
Город живет не в одном времени, и даже... не на одном месте. Задумываемся ли мы об этом? В нем соединены множество мест и времен,

судеб и эпох. Современный город – как Книга Жизни и Смерти, книга о Человеке.

Наше издание – это попытка увидеть Челябинск именно как такую Книгу. Прочесть город как Книгу, увидеть как тайну, как некую самостоятельную субстанцию, со своей душой, со своим призванием, со своими привычками и болячками, триумфами и падениями. Почувствовать город – как человека, прикоснуться к его временам (возрастам), к его любовям и трагедиям, заблудиться в лесу его прошлого и, возможно, нащупать тропочку в его следующий возраст.

В любом случае, наша книга – это признание города, и признание – городу, это наш способ сказать ему о нашей любви и нашей благодарности, попросить прощения, сказать – спасибо. Наш – то есть не только тех, кто эту книгу делал. Наш – то есть, надеемся, всех, кто возьмет эту книгу в руки.

Андрей Яншин

Дорогой Наме
на память о вас
и нашей от
Мамы Субановой
1928 г. 7/12 24/21

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА
1928

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА
1928

А где они, те острова Фиджи? Ах, острова Фиджи!.. Почти рай. Предел мечтаний. Где же они, те острова?

Так. Надо найти точку на земном шаре, откуда смотреть. Пусть это Челябинск, его центр, главная площадь. Вы там? Хотя бы мысленно, вы там? Хорошо. Перед вами телебашня. Далее, на прямой – железнодорожный вокзал, озеро Смолино, потом – Сухомесово, озеро Курочкино, село Печенкино. А затем – совхоз «Комсомолец», уже в Кустанайской области. Еще дальше – Караганда, озеро Балхаш, Ханой, Манила, Гвинея... А уж за Гвинеей – острова Фиджи.

Далеко от Урала острова Фиджи. Ничего дальше, может быть, и нет.

Хорошо. А где Канарские острова, о которых многие говорят, мечтательно закатывая глаза? Канарские острова? Смотрим с той же точки, из центра Челябинска. За круглым зданием с часами – городской бор. За бором они и есть, Канары. Если хотите точнее, пожалуйста. Линию ведем так: Травники, Саратов, Одесса, Неаполь, Алжир,

а за Марокко, уже в Атлантике, – Канарские острова.

Что еще? Чукотка? За гостиницей «Южный Урал». Мурманск? За зданием банка. Байкал? За магазином «Ритм».

Если идти прямо по проспекту Ленина на запад (почти на запад), то за памятником Курчатову, за бором, за рекой Миасс у деревни Трифоново выйдешь к озеру Теренкуль, а дальше – озеро Кысыкуль южнее Тургояка, Саткинский пруд, Сим останется чуть к северу. А там – Уфа, Брянск, Берлин, Лондон, Атлантический океан, за ним – остров Ньюфаундленд, Торонто и, наконец, Сан-Франциско, уже на Тихом океане.

Если по проспекту Ленина идти на восток (почти на восток), то за отвалами ЧТЗ, за Чурилово, за озерами Шелюгино и Сыкандык будут станция Чернявская, а далее – Новосибирск, Усть-Кут, Охотское море, Камчатка, Берингово море, Аляска, Канада.

Если идти на север (почти на север) по улице Кирова, то за теплотехническим институтом прячутся

Першино, Долгая деревня, Куяш, Булзи и еще дальше – город Серов, Новая земля, Земля Франца-Иосифа, Ледовитый океан.

Прямо по улице Воровского, через станцию Смолино, Томино,

Демарино, совхоз «Петропавловский», Сибай, через город Шевченко на Каспии и Багдад придешь в Мекку на Красном море, а дальше наискосок пересечешь всю Африку.

Ты стоишь в центре Челябинска, а вокруг тебя вся планета, весь мир, реальный и будто бы призрачный.

Михаил Фонов

*Челябинск.
Площадь
Революции,
бывшая Фрунзе.
Фото из
архива
Александры
Бородицкой*

Сквер у театра оперы и балета. Это самое «утопанное» место в Челябинске.

Увидеть бы этот берег Миасса, например, в 1735 году, когда геодезист И. Шишков нанес на ландкарту «бор Селябской» и речку Селябку. Почему-то мне кажется, что тут, у коричневой стены соснового бора, среди редколесья зеленели травяные поляны. Может быть, стояли башкирские юрты, паслись кони. Башкиры наверняка издавна летовали здесь.

Есть сведения, что Челябинск возник не в 1736 году, а много прежде. Одна из дат, самая ранняя – 1658 год. Может быть. По крайней мере, я невольно угадываю, что команда Алексея Тевкелева не могла прибыть на исконно дикое место, на никем не примятую травку. Слабая, но вела сюда колея.

На берегах Миасса почти триста лет обитали башкиры-табынцы, до того знавшие и Алтай, и Семиречье, и Кубань, и Крым. Свое начало табынцы берут от Майки-бия, жившего во времена Чингиз-хана, помня

двадцать его потомков от сына Илека до неведомого нам Гали. На «древе» Майки-бия была веточка Таймаса Шаимова, который кочевал на берегах Миасса уже в XVIII веке и с которым Алексей Тевкелев был близко знаком, небось, не раз гостил у него. Шаимов, не иначе, и надоумил Тевкелева насчет «бора Селябского» и речки Селябки. Однако не в бору же закладывать крепость. Не в бору, а рядом, в «поле», на свободной земле, уже примеченной башкирами.

Поди теперь угадай, где здесь, в сквере, осенью 1736 года был поставлен командирский дом, где стояли казармы, провиантские амбары, пороховые погреба. Позднее здесь же поднялась церковь (деревянную сменила каменная), появилась канцелярия, гостинный двор, ратуша, острог, магазины, питейный подвал. А воевода поселился через улицу, на берегу реки, – то место и сейчас свободно – богатый дом с башнями, пять горниц, в четырех – кирпичные печи, а в спальне – комелек.

Общій видъ съ запада.

Челябинскъ.

Соборная площадь давно без собора. И без торговли. Старинная фотография подсказывает: как раз на том месте, где еще сравнительно недавно была троллейбусная остановка, век назад начиналась длинная галерея, навес на столбах, тянувшийся через всю площадь до улицы бывшей Большой. На торце галереи вывеска «Торговля Шпагина». Под навесом белеет прилавок, на нем разложены товары, за прилавком продавец. Не сказать, что много покупателей. Их раз, два и обчелся. Небось, будний день.

Вся площадь до соборной ограды запружена рядами таких навесов-амбаров. Где площадь, там собор, где собор, там люди, где люди, там торговля...

На углу площади, на тротуарном бордюре сидит мужик. За его спиной дом, облицованный тесаным камнем. В наши дни в том доме челябинцы едят цыплят-табака. Он почти не изменился. Только нет вывески магазина скобяных и москательных товаров Морозова. И от резных ставней остались только ржавые штыри. И дверей меньше: было пять, осталось две.

В пять часов пополудни часы на соборе играли гимн «Коль славен наш Господь в Сионе».

Кажется, что осень 1736 года – время непроглядной темноты, диких нравов, бескультурия, суеверий, тяжелого быта, и однако мир уже знал «Начала» Ньютона, умершего девять лет назад, уже звучали

фуги Баха, Вольтер только что написал поэму «Орлеанская дева», почти сто лет назад умерли Галилей и Торричелли, а после смерти Леонардо да Винчи прошло больше двух столетий.

В летописях остались сведения, что в 1736 году в Европе дождь шел без перерыва 52 дня, сгноив на корню весь урожай.

Соборная площадь (ныне – площадь им. Ярославского), начало XX века

Первая крепостца занимала всего-то два гектара. Современный Челябинск – страшно сказать – в 25 тысяч раз больше. Правда, город сразу же вышел за пределы крепости, через два десятка лет снес первый заплот и поставил новый. Через 150 лет он ограничил себя каре четырех бульваров – Северного, Южного, Западного и Восточного. В этом каре

город был в сто раз меньше, чем теперь.

Осенний закат на улице Сибирской. (Конечно же, эта улица – Сибирская, а не Труда). Наверное, был такой вечер и осенью того, самого первого года. Если смотреть на закат, там, за бором, за Миассом, за Уральскими горами – обжитая Россия. Туда ли смотрели первые

жители города, тоскуя о покинутой родине? Может быть. Там, на западе, остались их родные города Великий Устюг, Чердынь, Кунгур, Балахна, Вологда. Но многие приехали из Шадринска, Долматова монастыря, Невьянска. И всех их дорога к «бору Селябскому» привела не с запада, а с востока, с востока. Так что обратная дорога была туда же, на восток.

Михаил Фонов

Улица Сибирская (начало XX века), ныне – улица Труда

Соленый угол

Немного географии, немного Геометрии... геомузыки: есть города – кольца, города – квадраты, в которых углы тянут и тянут «до», «ре», «ми», «фа». А есть «соль»-города – треугольники. Один из них – наш...

Петербург... Гудок голландского табака в трубах «Авроры», скрежет невыхских крепостей, «ери» и «яти» фронтонов, дверные петли мостов, многолинейность выстрела: железом по камню и камни в воде. Чайки

сонорных на пирсе... Город трех революций, трех «ре». Речи нет – высокая геометрия звука... Крик поморника на Островах Блаженных. Петроблаженск... Город воспевали Лучшие. Им его и оставим. «Это Книга Великая»... великанам ее и читать.

Москва... Язык и язва Третьего Царства, липкий шорох мочи и крови на Болотной площади, неглина Рублевки, скважина рубля. Мажорно: ...ля ...ля ...ля! Звон

Соленый угол

*Челыбинский бор.
Карьеры в парке
им. Галарина*

колец и ропот пробок. В круге первом – кремлевские куранты, во втором – позвонки кассовых аппаратов, всхлипы «штурмующих небеса» и высокомерное «фа» продажного саксофона. В третьем... Облажался? Утрись! – Москва!.. Крики блондинок за углом, пеньюары арочного свиста. Книга – Ярмарка. Тщеславия. Пусть листают другие.

Челябинск... Не могу – спотыкаюсь. Каюсь – люблю. Люблю треугольник озер – казацьи братины Шершневых, Смолиных, Синеглазовых. Первых нет, нет и Вторых – Третьих. Есть Город – книга Каменского, – треугольная, как татарские скулы. Голь на ямах, карьерах, песках, камнях. В угле. В углу... Юго-западный угол – мой. Застолбил... я бил, меня били – Шершни. Нет, не станция, не поселок – море. Болото. Водохранилище... Не главная, но ключевая глава. С картинками, грампластинками: Утесов, Шульженко... о-о! – интонация!.. Да и раньше: маленькая Одесса, зауральский Чикаго, Порт-Артур,

Грабиловка, Колупаевка, Шанхай... «Как на кладбище Митрофановском отец дочку зарезал свою...» Пересылка – Челябин – гуляба. И чё?..

Были времена, когда здесь воды было вдоволь... На всех вдов. Заречья.

Река рекла: бесконечность. Река текла – вечность. Ми-асс. Знакомое название, – пусть дикарское, варварское, но знакомое: «ми»... рисовые поля, голодное детство: рис, рис, рис... Учеба в Токио, присяга, божественный Микадо... рис, рис, рис... трижды. Рис – это вода. Вода – это жизнь. Вода – это любовь. Соль жизни, соло.

– Эй ты, косоглазый, подь сюды! Пора и честь знать – поехали! И чего с ним хозяин возится... ишь ты, японец... какого хрена!.. нашего брата наломали под Мукденом... что груздей!.. Иди, говорю, азиятец, – пора!

– Это меня! Жаль!.. Река – былого тень – Ямато... И камень на чужбине – Фудзи...

Хироси Кобаяси служил у Валеева, – купец ради престижу

нанял-выкупил его у какого-то штабс-капитана в Иркутске. А чего: вót я, удалец, япошку привез – любуйтесь! Кстати, самне в убытке – это ж всякому любопытно: в лавке товар японец продает! Торговля процветает! У япошки была блажь: вези да вези его за город, на реку. Сидел на берегу часами – всё на воду смотрел – молился, что ли...

Сидел это японец, сидел, да вдруг встал и говорит: «Очен-на – каме-на – над-да!» Как отпускаял его хозяин, – всё камни таскал. Не таскал даже – любовно поглаживал. Перегородил речку – перекат, стало быть, соорудил. Сроду здесь такого не было... Речка да речка – Миясс. А тут высветлилась вода: наскрозь видать всё. Ребятня купаться – шалишь: изгважженное дно-то! Так собрали всё – чисто! Рыбы-то, рыбы что стало: и язь, и окунь, и лещ со щукой-судаком, и голавль, да что там... говорят, и сом объявился!.. Посмотрел японец на это и молвил – одно слово обронил: « Шу!» – любовь из ниоткуда, «звук хлопка одной ладони»... соль земли.

«Шум, шум!» – подхватили. Так и повелось: «Пошли на Шум раков ловить! Айда на Шум язей таскать!» Бабы на Шуму белье полоскали, мужики в кулачную сходились... Одно слово – Шум.

А война в ту пору уж кончилась. Японец домой засобирался, да на

свою беду в бор зашел – соловьев послушать. Бор заколоченный стоял, так что при всем при том и не пройдешь. Так он чё придумал-то: мостки через ручьи перекинуть. Каменные. Говорят, долго это он пластался – так и помер где-то под осинкой. Дедок из местных

дело продолжил, старался, пока силы были – не убыли. Теперь всякий знает: в бору через ручьи-болотца по камням перейти можно. Хаживали?

Местá в лесу, где японец камень добывал, приметили. Уфимский каменный карьер – не слышали?

Да карьеров этих, больших и малых, до десятка наберется. Сейчас туда со всего города купаться-плавать-загорать ездят.

До 60-х, пока плотину не построили, на Шуме жизнь кипела. Знаешь, – вишневый цвет на стрежне – катана в умелых руках. Говорят, все гудки заводские-железнодорожные там и сходились – где ж еще? – по воде ближе будет. Баритон АМЗ, фальцет ФД, басовитость ИС... Катанки.

Паровозов больше нет, нет заводских гудков. Нет представления о «заводской проходной». Кстати, японец тот на заводской гудок чуть не молился: «Шу!»

Это я уж потом узнал: «шу» – взаимность. Цзэн-цзы говорил: «Путь Учителя в преданности и взаимности, больше ничего...» А египтяне так бога воздуха величали – ответственного, стало быть, за «прослойку» меж небом и водой. Шу!.. Закралось в душу сомнение, иной раз подумаешь: «шум»-то нашенский не оттуда ль родом будет?..

Теперь над тем местом – над Шумом – девять метров. Водохранилище. Хранилище чего?

А рыбаки говорят и поныне: «На Шуму беспокойно, лед трещит». Как не трещать? Звуки-мелодии прошлого подо льдом не умещаются!.. А рыба там есть: судак, окунь, лещ, чебак... не ледащая рыбка. Из растительных насадок почему-то предпочитает рисовое тесто... присоленное. Только не буду всем рассказывать, где этот Шум... Сам на ощупь хожу. По звуку. По отзвуку памяти. Хочешь, – пойдем?.. Почитаем Книгу?..

Остановись, прохожий, посмотри вокруг: чем твоя земля хуже Японии? Соловьи по-прежнему поют, а вишни в лесу – не вынесешь... Даже в центре Города – Хоккайдо. Не в этом дело, однако, не в этом!..

Кстати, я тут в Интернете одного японца обнаружил – он захоронения военнопленных соотечественников разыскивает. Кобаяси его фамилия. Или это имя... Неужто родственник? Написать?

Так повелось, что речка наша, Миасс, через три угла протекает. И в Городе у нее тоже три угла-поворота. За каждым углом – история, страдание, счастье и любовь. Соль. Да ты и сам знаешь!..

Сергей Ефремцев

Челябинцы

всех времен

В нашем мире устроено так, что какие-то имена (и даже отпечатки лиц) время оберегает. Чья-то известность продолжается и после смерти, чье-то имя нечаянно сохранила бумага, а иным дана посмертная «слава» за постыдные дела. Наверное, были и такие, кто заслужил благодарную память потомков, но забыт.

Вы знаете, кто такой И. Мокшин? Не знаете. А он был в свое время самым известным печником Челябинска. Говорит ли вам о чем-нибудь фамилия Ожимков? Ваша память молчит. А в свое время город не мог не знать П. Ожимкова, владельца ресторана «Россия» на острове (две сцены, одна открытая, мужской и женский хоры, балалаечники и пр.). А поэт В. Яковлев? В свое время он был известен под псевдонимом Ветров как автор некогда нашумевшей поэмы «Кедровый дух». А Г. Моргулис, создатель симфонического оркестра? А Ф. Катаев, фотограф, который, помимо всего прочего, снимал пушкинские торжества в Челябинске в 1899 году? Многим в свое время был знаком билетный

кассир на вокзале М. Журин. Теперь от него ничего не осталось, кроме имени. Не знаком нам и присяжный поверенный Е. Снежков, и преподаватель французского языка Ю. Блаже, и первый распорядитель ломбарда И. Протасов, и популярный актер И. Сметанин-Уральский, и баянист В. Крылов, и первый шофер города З. Деньгин, водивший машину купца П. Степанова. А еще в Челябинске жили священник В. Земляницын, мещанин Н. Смолин, атаман М. Казанцев, казак А. Баландин, канцелярист Н. Попов, отставной солдат Ф. Яковлев.

Есть и другие примеры. Например, В. Гартевельд вспоминает: «Самым любопытным, для меня лично, в Челябинске осталась в памяти гостиница „Метрополь“, где я остановился, и ее хозяин Поляков». Оказывается, Поляков – московский шулер, высланный за мошенничество, «которого как-то под утро сильно били в одном из московских игорных притонов» и который «своих постояльцев в гостинице не раз усыплял каким-то дурманом и затем грабил».

Челябинскъ.—Scheliabinsk. № 50.

Городской дилижансъ .

Только случай сохранил бумагу, в которой значилось, что крестьянин Чичин подрядился мещанину В. Рылееву за 450 рублей сломать старый дом и поставить на другое место – «работать на своем коште и провизии», «работу начать 1 мая и закончить в сентябре».

Среди других не потерялось и имя мальчика Газизова, крестьянского сына, с детства пристрастившегося к музыке, который на конкурсе народных музыкантов в 1927 году покорила публику игрой на скрипке собственного изготовления.

Больше известны купцы. Кто-то остался в городе своими магазинами (Яушев, Валеев), кто-то мельницами (Архипов, Чикин), кто-то храмами (Перцев, Ахматов). Старинные дома на улице Кирова, обретшие вторую жизнь, «подарены» нам купцами Шарловым, Семенным, Холодовым, Злоказовым, о чем мало кто помнит. Забыто, что купец Максим Сидорович Ахматов дал две тысячи рублей на богадельню, за что одну из улиц (теперь это часть улицы Свободы) назвали

Будни казначейской фабрики

Ахматовской, правда, временно. На его же деньги был куплен дом для лазарета, от которого, собственно, и берет начало городская больница. Другой купец, Иван Андреевич Боровинский, пожертвовал деньги на обустройство больницы, на кровати, столики и всё остальное. Доподлинно известно, что жил он на Уфимской улице, в собственном

доме, каменном, в семь комнат, в два этажа. В то время в городе было только три каменных дома, один из которых и принадлежал И.А. Боровинскому, что не удивительно: он был, может быть, самым богатым человеком в городе. Его брат С.А. Боровинский как раз в пугачевские годы служил бургомистром, потом городским головой,

Челобитная всех времен

его заслуги были отмечены правом именоваться «Ваше степенство», а в 1787 году он был назван именитым гражданином, что, впрочем, не помешало через год выслать его из Челябинска за какие-то прегрешения.

Между прочим, купец А.Г. Бороздин (владелец двух домов, мыловаренного промысла, лавки

в гостином дворе) прослыл в городе как борец с коррупцией и экономическими преступлениями: он пытался привлечь к ответственности собственников, которые хитростью уходили от уплаты налогов.

Достойны остаться в истории Челябинска имена врача В. Жуковского, городского головы А. Бейвеля, предпринимателя В. Покровского,

купца В. Колбина, краеведов И. Горохова и Н. Чернавского, писателей А. Туркина и Ю. Либединского, художников Н. Русакова и И. Вандышева – всех, разумеется, не перечислить.

Из челябинцев ушедших лет моему сердцу более других мил Михаил Голубых. Он учился в реальном училище – в красном здании на улице Красной. Закончить университет

Н.М. Чернавский с женой, 1898 год

не дала война, от книг оторвала, облачила в мундир прапорщика. В нем он и стоит на фотографии 1917 года у Народного дома, у лестницы, справа – вместе со всеми депутатами Совета, усевшимися на ступени. Невысокий (а кто тогда

был высоким?), в фуражке с коротким козырьком, в выцветшей гимнастерке с погонами, в темных галифе и длинных, до колен сапогах – он стоит рядом с женой Цвиллинга и смотрит в объектив, как в вечность. Михаил Дмитриевич

прожил 74 года, а мог не раз погибнуть в юности, при Колчаке, а потом в гражданской войне: Урал, Каховка, Перекоп... И репрессии не обошли его стороной, хотя и не сгубили. Михаил Голубых, участник партизанского рейда Блюхера, написал об этом походе книгу «Лава». Одно лето (в 20-е годы) он прожил в Тимофеевке и написал ее «портрет» – книгу «Казачья деревня». Голубых успел поработать и редактором «Челябинского рабочего». В возрасте 44 лет он закончил вечернее отделение нашего пединститута, а в 57 лет защитил кандидатскую диссертацию. Челябинец Михаил Голубых достоин нашей памяти и нашего почтения.

Память о людях, о предках – это и есть история. Но делается история не только теми, кто не забыт, а всеми без исключения и, не боюсь ошибиться, более безымянными, чем именными и именитыми. Так что не беда, если и мы уйдём бесследно: на том свете слава не студит и не греет.

Михаил Фонов

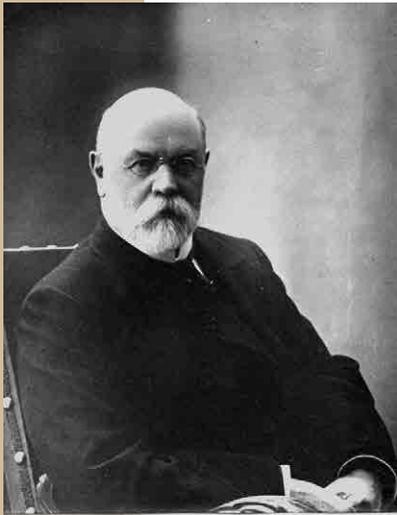

В. М. Калдин

Челябинск, 1912 год

Дом Покровского

В.К. Покровский

Этот дом на берегу Миасса у краеведческого музея в своем воображении я вижу в 1861 году, когда он был только-только построен: Матрена Михайловна Шихова, купчиха под восемьдесят лет, раскачиваясь, поднимается к крылечку с округлым навесом, украшенным с двух сторон узорчатой решеткой. Этот вход – со двора, в те времена был «спрятан» хозяйственными постройками. Особняк с двадцатью комнатами стоял на обширной усадьбе с подвалом, кладовой, погребом, шестью амбарами, двумя завознями, конюшней, сараем, скотным двором, баней, огородом и «малой избой на отставе».

Шихов – в те годы фамилия в городе звучная. Даже и улица, на углу которой стоит особняк (теперь улица Васенко), называлась Шиховской.

Через два десятка лет дом стал собственностью В.К. Покровского, фамилия которого звучала тоже почтенно. Владимир Корнильевич здесь не жил. Он устроил в особняке нечто вроде клуба городских либералов. В своем воображении

можно увидеть, как зимним вечером ярко освещены окна дома, и на восточное крыльцо (был и есть еще западный вход) поднимается, например, присяжный поверенный Евгений Иванович Снежков – председатель совета старейшин Общественного собрания, заседавшего здесь, в доме Покровского. («Сцены нет, но зал сдается под концерты. Освещение электрическое». «Годовой членский взнос – 15 рублей. Гости допускаются по рекомендации членов. Плата за вход: зимою – 50 коп., летом – 25 коп.»). Один за другим подъезжали и скрывались в дверях старейшины Общественного собрания – издатель газеты Абрам Борисович Бреслин, биржевой маклер Семен Григорьевич Данцигер, члены биржевого комитета Василий Федорович Кондаков и Виктор Федорович Рогенгаген, а также нотариус Петр Филиппович Туркин. Вхож сюда и редактор газеты «Голос Приуралья», автор справочника «Весь Челябинск» Виктор Александрович Весновский. На заседания клуба, разумеется, являлся и сам Покровский.

Буфетчик Федор Епифанович Глот пришел раньше всех, пока он обслуживает случайных посетителей. («Посетители до 7 часов вечера допускаются без рекомендаций членов и бесплатно. Обед из двух блюд – 50 коп.»).

Челябинский чиновник К.Н. Теплоухов в своем дневнике оставил запись о прощальном ужине в клубе – уезжал коллега. «Ужин хороший – я с удовольствием поел осетрины с соусом провансаль. Конечно, скоро начались тосты, речи, пожелания, после каждого – туш служебного оркестра. Дружеская беседа затянулась далеко за полночь».

Большой любитель книг, Покровский по своему обыкновению и здесь открыл библиотеку. («Выдача книг производится только членам клуба и их семьям: в будничные дни с 7 до 10 час. вечера, в воскресенье – с 12 до 2 час. дня. При библиотеке имеется кабинет для чтения»).

Из кирпичных строений города, сохранившихся до наших дней, это здание старше всех. И, значит, «помнит» оно больше других.

Михаил Фонов

Дом Покровского. 90-е годы XX века

Однажды я шел мимо оперного театра к Кировке, и у ресторана «Цыплята табака» меня вдруг что-то остановило. А «вдруг» заключалось в проеме между двумя домами Холодова.

Но сначала о самом домовладельце.

Об Андрее Петровиче Холодове известно очень мало. Ну, купец, ну, торговал «хлебом в зерне», ну,

разбогател в этом бизнесе и построил на Уфимской улице свои дома. Только эти дома и сохранили его в истории города. У меня такое впечатление, что в Челябинске он прожил недолго. Впрочем, успел отметить благотворительностью: состоял в комиссиях водопроводной и больничной, а также в комиссии по заведению детского приюта. Кроме того, был почетным

*Зана Холодова
до революции*

Занятое пространство улицы Игумновской (Воры). Красноярск XX века

попечителем двух училищ – 3-го мужского и 2-го женского. Наконец, купец входил в совет при городской библиотеке. Но «прославился» он, повторюсь, своими домами. «Чи дома?» – «Холодова». Так было, так есть. И, не исключено, так будет.

Андрей Петрович угодил в то благодатное для Челябинска первое десятилетие XX века, когда на уральском рынке главным и очень прибыльным товаром стал хлеб. Расклад был такой: богатеть на зерне, а деньги вкладывать в строительство жилья. В те годы в Челябинске проживание под крышей стоило дороже, чем в столице. Холодов так и поступил: вложился в жилье.

Он поставил не один доходный дом, а сразу несколько, заняв весь угол, примыкавший к Соборной площади. Здание, которое «смотрит» на площадь (теперь в нем детская школа искусств), занимал будто бы сам хозяин – наверное, второй этаж. Остальные дома выходят на Уфимскую улицу. Теперь это один длинный дом, но сначала

их было два или три. Судя по всему, хозяин сам достраивал промежутки между ними.

Дома Холодова среди других выделяются тем, что они – гранитные. Что называется, каменные.

Можно предположить, что дома Холодова были сразу же «расхватааны» арендаторами. В них хватило места и магазинам («Скобяные и москательные товары Морозова»), и гостиницам («Эрмитаж»), и другим заведениям. Весомо заявил о себе «Эрмитаж» А.Ф. Новиковой – ресторан с номерами или, если угодно, номера с рестораном. Предлагали себя и всякие другие номера, а также меблированные комнаты А.М. Шатцкого. Арендаторы не забывали упоминать о полном комфорте гостиниц – электричество, телефон, ванные, водяное отопление, бильярд.

В городе упорно ходили слухи (и ходят до сих пор), что в домах Холодова, в их номерах и комнатах, за разрешенными услугами «прятались» другие, запретные. Место это считалось внешне приличным, но прикрито злачным. Этим грешили

и другие гостиницы – только на одной Уфимской улице их было девять.

А теперь всё с начала: я шел мимо оперного театра к Кировке и остановился перед проемом между двумя домами Холодова. Передо мной открылась некая изнанка. Двор. Черный ход. Задник. То, что не принято показывать. И потому – неухожено. Несмотря на кондиционеры, телекамеры, кабели и провода вдоль стен, – здесь отстоялась нетронутая, забытая старина. И можно легко представить, как сто лет назад темными вечерами в этом узком проеме размытые силуэты мужчин и женщин проskalзывали в потайные двери для каких-то заглазных встреч...

Михаил Фонов

Собор

Был некогда в Челябинске величавый собор. Христорождественским его называли. В самом центре города находился он, там, где ныне снуют возле площади Ярославского машины и трамваи, там, где сегодня возвышаются гордо восемь колонн оперного театра имени Глинки.

«Еще до революции, когда собор жив был, – вспоминали старожилы, – колокол у него в звоннице

необыкновенный был. Чудо чудное, диво дивное! – рассказывали. – Сам во сто пуд, гудел – заслушаешься, а звонарь, что во колокол тот звонил, странный был – щуплый, высокий, нескладный да робкий больно; но, как звонить начинал, так будто сила волшебная в нем пробуждалась! Встанешь на месте и заслушаешься!..»

И еще вспоминали старики: «Уж как коммунисты-то убили собор,

Христорождественский собор

так и звонарь тот исчез. Будто и не было его». Да только вещи странные делаться стали – по ночам горожане слышать стали удары во колокол, будто набат. И доносился он с самой соборной площади... Кто-то пугался, кто-то ночью туда из любопытства прибежал, но ничего страшного не видел. А колокол по ночам всё гудел. Слухи по городу расползлись, до правительства донеслись.

И собралось тогда в горкоме заседание. Подумали, «обсудили – постановили»: надо граждан успокоить. А как? На пустующей площади построить здание культурное, театр. Тоже ведь храм – искусства! Сказано – сделано. Построили здание, и звуки на площади прекратились, все про них давно забыли.

Но на премьере, на открытии театра, неприятность случилась. Оркестр и хор должны были торжественно исполнить гимн Советского Союза. Только дирижер взмахнул палочкой, все разом, будто сговорившись заранее, начали «Боже, Царя храни!..».

Что тут было! У дирижера ноги от страха подкосились, чуть не

удавился разгневанный режиссер, правительство в ярости сгрызло галстуки, пролетариат недоуменно в затылке чесал. И только заинтересованные билетерши, ухмыляясь, косо посматривали на сцену...

Говорят, подобные казусы в театре не раз случались. Даже закрыть его хотели. А гимн с тех пор в оперном театре старались не исполнять – сам Глинка не велит, дескать. Но в 2012 году, на премьере его оперы «Жизнь за царя», в честь приезда и присутствия великой княгини Марии Николаевны Романовой прозвучала-таки «Патриотическая песнь» («Боже, Царя храни!..»)...

По свидетельствам некоторых работников театра, раз в году, в день, когда собор был уничтожен, ровно в полночь в театре слышатся мерные, печальные удары колокола.

Что сделано, то сделано. Остается верить, что звучащая в стенах театра музыка пробуждает в душах слушателей благородные чувства...

Ростислав Ярцев

Неизданное стихотворение Бальмонта

К.Д. Бальмонт

После смерти великого поэта-символиста Константина Бальмонта в левом кармане его леопардового жакета был найден неизвестный доселе набросок стихотворения. Вот он.

Я в яме дальней и убогой,
Средь одалисок побледнелых,
Читал туманные эклоги,
И мне внимали оробело.

Но тщетно о купавах свежих
Молил, снедаем жаждой душею:
Кругом взирали безмятежно,
Безмолвно, глухо, равнодушно.

И только мудрые блудницы,
Пробуждены моим сонетом,
Мне разрешили насладиться
Бесстыдно розовым букетом.

И только царственный бродяга,
Что мимо брёл и грезил горним,
Как праведник, почел за благо
Нарцисс мне кинуть чудотворный.

О, с безмятежными цветами
Отрады мне не будет мало:
Я исцеляюсь в нищей яме
Благоуханьем Идеала.

Около века литературоведы бились над этим малоизвестным стихотворением Бальмонта. И только мы сумели приоткрыть его тайну.

Как известно, в начале прошлого века Бальмонт заехал в Челябинск. В зале женской гимназии 13 марта 1916 года он прочитал лекцию «Лики женщины в поэзии и жизни» и познакомил собравшихся гимназисток со своими новыми стихами. Современники вспоминают, что единственным условием, которое поставил поэт, было наличие цветов, ибо, как он говорил, поэзия без цветов «не дышит». Однако с цветами отчего-то вышла заминка. Лишь два букета получил Бальмонт. Первый прислали из дома терпимости (в котором ныне по парадоксу судьбы находится Горздравотдел). Второй букет принес какой-то нищий оборванец. Вечер Бальмонта удался.

Перечитайте стихотворение еще раз. Вам будет понятен и перевод тюркского слова «Челяба» – «яма», и великолепный образ одалисок-гимназисток, внимавших Бальмонту, и мечта о цветах, и эротическое наслаждение «бесстыдно розовым

букетом», присланным из публичного дома, и, наконец, поэтическое возвышение нищего до «царственного бродяги».

Вдали от родины, на чужбине, великий символист написал это

стихотворение, вспоминая провинциальный Челябинск, воскресив в памяти два букета, подаренных ему верными и чуткими поклонниками из маргинальных слоев общества. А мы, спустя век,

благодарно склоняемся над его воистину символическим шедевром, которым он с нечаянной щедростью одарил наш не слишком поэтический город.

Константин Рубинский

«Чья?»

Пока еще ничья...»

Э то было в начале 1980-х годов, в моем пионерском детстве, в небольшом, но грозном, судя по названиям, городском околотке на краю соснового бора. Я жил на улице Гвардейской, рядом была Рубежная, поодаль – Варненская, напоминавшая о героических победах войны 1812 года. А вдоль самой кромки леса тянулась улица

Людмила Татьяничева

Ракетная – несколько бревенчатых частных домов да гаражи, в которых, видимо, и хранилась «ракетная техника».

Такое топонимическое соседство меня вполне устраивало, как вдруг... на улице Ракетной стали менять таблички. Улица Людмилы Константиновны Татьяничевой. Кто такая? Зачем всё это? Просветила меня, а заодно и всех юных кружковцев литобъединения «Алые паруса», Лидия Александровна Преображенская. Она открыла небольшую книжку и стала читать. Тогда я впервые и услышал про «синий Урал», про то, как речка Ай играла в догонялки, а где-то южнее, в степи, раскинулись палатки будущих доменщиков-огнепоклонников.

Два поэта – именно так! – они были хорошо знакомы между собой, много занимались с молодежью, умело воспитывая неокрепшие поэтические души, облачая примеры из жизни в ритм и рифму. Позднее пришло понимание «жестоким романтики» тех времен. Людмила Татьяничева рано осталась одна: сначала умер отец,

Иллюстрации к сборнику Л.Татьяниловой «Лирика»

затем проводила мать, повязав на кладбищенской березке детский шарфик. И с маленьким фанерным чемоданчиком отправилась в Свердловск...

Главный поворот в судьбе она сделает сама – в 1934 году, прервав учебу в институте, приедет на строительство легендарной Магнитки. Вот где всё бурлило и кипело, несмотря на собачий холод в щитовых бараках! Вместе со сталью рассыпались искры творчества. Татьяничева вошла в литературную бригаду «Буксир», где уже зажглись звезды Михаила Люгарина, Бориса Ручьева, Марка Гроссмана, Василия Макарова. Вот только спустя три года они попадут в маховик репрессий.

В Челябинск Людмила Константиновна переберется в конце войны, где сначала возглавит областное издательство, а потом десятилетие будет секретарем писательской организации. Она поселится в доме на углу улицы Сони Кривой и Свердловского проспекта.

Здесь произойдет одна история. Сразу после войны, в 1946 году

«Вот? Пока еще никто...»

вышла небольшая книга стихов Татьяничевой «Лирика». И это на фоне постановлений о журналах «Звезда» и «Ленинград», когда с «делом писателей» будет спорничать лишь «дело врачей»! На Л.К. Татьяничеву сразу посыпались обвинения в упадничестве,

«ахматовщине», пессимизме, «безыдейности». Рассказывают, что Людмила Константиновна очень переживала – какие идеи, если сердце плачет! В итоге пришлось уничтожить весь тираж, спрятав единственный экземпляр подальше на книжной полке.

Да здравствует
святое безрассудство,
Свободное от выгод и вериг...

– прозвучит в одном из ее стихотворений жгучее чаяние поэтов советской эпохи. Где же его взять, это безрассудство? И кто сейчас хотел бы «освободиться от выгод»?

После Челябинска ее ждала Москва – Л.К. Татьяничева станет секретарем правления Союза писателей. Ох уж это секретарство! Ее внук – художник Василий Смелянский – писал, что «...у нее каждая минута уходила на работу... Жизнь шла в бешеном графике, работоспособность была очень высокой. К сожалению, такое перенапряжение, видимо, приблизило смертельную болезнь...»

Поэзия оказывалась противоречивым околописательским обязанностям. О Татьяничевой замечали, что в ее творчестве есть сдержанность, «благородство фразы и жеста». Но мне ближе ее озорные строчки, словно капли дождя на бумаге:

Платье вымокло до нитки,
Косы – черных два ручья.

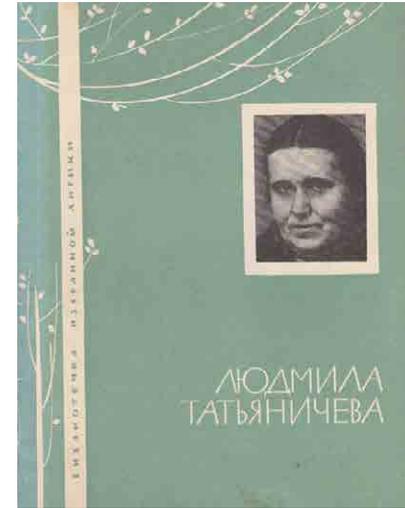
- Ты откуда?
- Из Магнитки.
- Чья?
- Пока еще ничья...

А вот в Челябинске улицу ее имени в тучные 2000-е впервые попытались приватизировать, сделать «чьей-то». Небольшая улочка

вдоль леса обросла дорогими коттеджами, в которых отдыхают от трудов праведных отцы города Че. Сначала на улице появились знаки «Проезд запрещен», а там, где пересекающая тропинка уходит в лес, спрятались гаишники, останавливая желающих сократить дорогу. Потом выросли шлагбаумы, но, к счастью, простояли недолго. Были на подступах к улице

Павел Бажов и Людмила Татъянничева (в центре) среди советских писателей

и бетонные блоки, вставшие на страже покоя VIP-обитателей.

...Наверное, в нашем искривленном мире так и должно быть: улицам – заборную избранность, поэзии – ничейную свободу...

Вячеслав Люттов

«Вот? Пока еще ничья...»

Орленок

*Лев Головницкий. Фото
Владимира Билковского*

Орленка я узнал сразу. Будто где-то его видел. Он вихраст, белобрыс и вроде бы рыжеват. Голос у него с хрипотцой. Вылинявшая рубаха навывпуск, мятые штаны с заплатами на коленях. Я вижу, как он спрыгивает с забора, пронзительно свистит и уводит за собой ватагу мальчишек. А то он на пороге трактира. А то на улице – замешкался, замер: с крыльца особняка в сопровождении родителей спускается девочка в белом платье – будто принцесса из сказочного мира.

Он возвращался из разведки, когда у речного брода его настигли всадники. Орленок не давался им, пока те обрывком веревки не связали ему руки. На допросе он только хмурил брови и упрямо отворачивал лицо.

Осенним утром Орленок шел по деревенской улице, и женщины у калиток утирали слезы: «Дитя еще...»

У меня был случай спросить у Льва Головницкого, верно ли я угадал. Он только и сказал: «Да, тепло, тепло...»

Скульптор Лев Головницкий создал узнаваемый образ. Создал и подарил Челябинску. Долгие годы у Челябинска не было другого символа – Орленка знали не только на Урале.

Можно сказать, что юный борец за народное дело принадлежит своему времени, а время это кануло в прошлое. А я думаю, что Орленок – вечен. Он всегда был и всегда будет.

Известно, что памятник создан в содружестве скульптора с архитектором Е.В. Александровым. И это был тот случай, который объясняет, что мало монумент создать, важно его «подать», найти ему место в городе. Журналист и книгоиздатель Александр Золотов, хорошо знавший Головницкого и написавший о нем книгу, вспоминает:

– Орленок, как думал Головницкий, будет поставлен не там, где он стоит теперь, и постамент у него – другой, и масштаб – другой. Об этом был спор. И тогда по предложению Александрова был вырезан контур из фанеры в масштабе, который предлагал

Ольга Бенек

Памятник Ольге Бенек. Концы 60-х годов XX века

Евгений Викторович, эту фанерную модель поставили на место, где он теперь и стоит, перешли на другую сторону проспекта, присмотрелись... Тут была и Энрика, жена Головницкого, тоже скульптор, а еще проходил художник Михаил Иванович Ткачев, остановился с ними. И тогда-то Лев протянул руку Евгению Викторовичу – тут Орленку и стоять.

Орленок – памятник искренний, а искренность не знает заблуждений, потому что она сама себе судья. Несмотря ни на что, этот бронзовый мальчик в длинной шинели останется с нами, он наш, родной и незабываемый.

Михаил Фонов

*Памятник Орленку.
Скульптура работы Льва Головницкого*

Алое поле

Поле – в центре города... Хорошо, что слово осталось – поле. Это память о предках, которые пасли здесь коз, пешком добирались до свечного завода или ездили по проселку, ведущему в Шершни. Нравится мне и эпитет «алый». Алое поле – для меня это утреннее поле, освещенное низким прохладным солнцем.

Алому полю лет сто. Оно предоставляет нам свою наглядную ис-

торию от пустырного «чистого листа» до наших дней.

В симфонии Алого поля переплелось несколько музыкальных тем. Я слышу в ней тему пустыря и сквера. Тему царя Александра II и вождя Владимира Ленина. Несколько раз возникает тема детская (детский парк, «Орленок», мемориал пионеров-героев, дворец пионеров), а также взрослая, пролетарская, митинговая. Еще

Алое поле

*Алое поле, вид на храм
Александра Невского*

я отчетливо различаю тему храма и органа. И ностальгическую тему улицы Луговой...

Много ветров пронеслось над Алым полем. Время всласть потешилось над его поселенцами, то восторженно вознося, то разочарованно опуская их. Идеологии, чередуясь, пытались возобладать на нем, водружая своих идолов взамен чужих или наспех перекрашивая свергнутые в свои цвета. Кончилось это тем, что страсти, устав, улеглись, а идолы поблекли.

Время распорядилось так, что на Алом поле в соседстве оказались две памяти – о царе, убитом народовольцами, и о брате народовольца. Гибель в столице императора Александра II отозвалась в Челябине закладкой часовенки на городском выгоне. Заложил ее Павел Михайлович Кутырев и строил четверть века. Не достроил, однако. На месте часовни горожане вознамерились заложить церковь. Строили ее десять лет. Не достроили. Еще через десять лет храм закрыли,

сняли с него кресты, купола, шатер колокольни. Пятьдесят пять лет в здании церкви располагались то типография, то картинная галерея, то планетарий, то нечто еще. Но однажды Александро-Невская церковь возродилась вновь. Ей вернули кресты, купола, шатер колокольни, отреставрировали интерьеры и под арочными сводами установили орган немецкой фирмы «Германн Ойле». Сто лет, от часовни в память убиенного царя до концертного зала, – так ветры истории «вывернули» этот субъект в центре Алого поля.

И была зима, когда на этом же пустыре каменотесы сбили нечто вроде балагана, в сумраке которого они – в светлых фартуках, кто в сапогах, кто в валенках, с очками на околышах фуражек, с молотками в руках, – до лета тесали гранитные блоки для мемориала В.И. Ленина. К июлю 1925 года из гранитных блоков был сложен мемориал, в арочной полусфере которого покоился бюст вождя.

Ветер перемен нагонял тучи и на этот памятник, но не развалил его.

Когда подросли деревья, обильно высаженные на поле, превратив его в парк, возникла мысль отдать зеленый уголок детям. Детский парк, обустроенный в годы войны, получил полный набор тогдашнего культурного инвентаря. Тут было всё – скульптуры, цветочные клумбы, беленые известью вазы, фонтан «Черномор», летняя эстрада, спортивные площадки, карусели... От них не осталось и следа. И то верно – на вечность они не претендовали.

Через десять лет после Отечественной войны архитектор Ю.П. Данилов построил на Алом поле прекрасное здание Дворца пионеров. Еще через два десятилетия к нему справа и слева пристроились новые корпуса – театральный и спортивный. Проекты оригинальные, отмеченные премией Ленинского комсомола.

От главной улицы города Алое поле, перекрыв улицы Коммуны и Маркса, спускается к реке Миасс тремя ступенями. Первая терраса более других устроена и ухожена. Треть поля, выходящая к улице

Труда, вся еще в прошлом. Здесь сохранились только четыре ряда тополей, некогда сопровождавших улицу Луговую. Мало кто помнит, что на Луговой стоял домик-теремок, в котором горожане покупали водопроводную воду. А сама улица выводила к роднику, который не замерзал и зимой. Увы, в большом городе нет места прелести улицы Луговой.

Из четырех углов Алого поля «закончен» только один, тот, где «Орленок». Остальные углы ждут своего осмысливания и завершения.

Я почти уверен, что лучшие дни Алого поля – впереди. Последует преобразование. Поле будет набирать культуру. Наверное, и в будущем не удастся подобрать к нему один ключ, свести его к одному стилю. Что ж, пусть так. Пусть ветры разных времен оставят на нем свои метки, пусть в его симфонии переплетутся музыкальные темы разных эпох, примиренные в нашей памяти.

Михаил Фонов

Очень многие, как увидят его, так сразу удивляются: откуда, мол, у вас такое чудо? И хорошо, если им повезет спросить у знающего человека. А то ведь находятся такие вруны, которые могут и наплесть невесть чего.

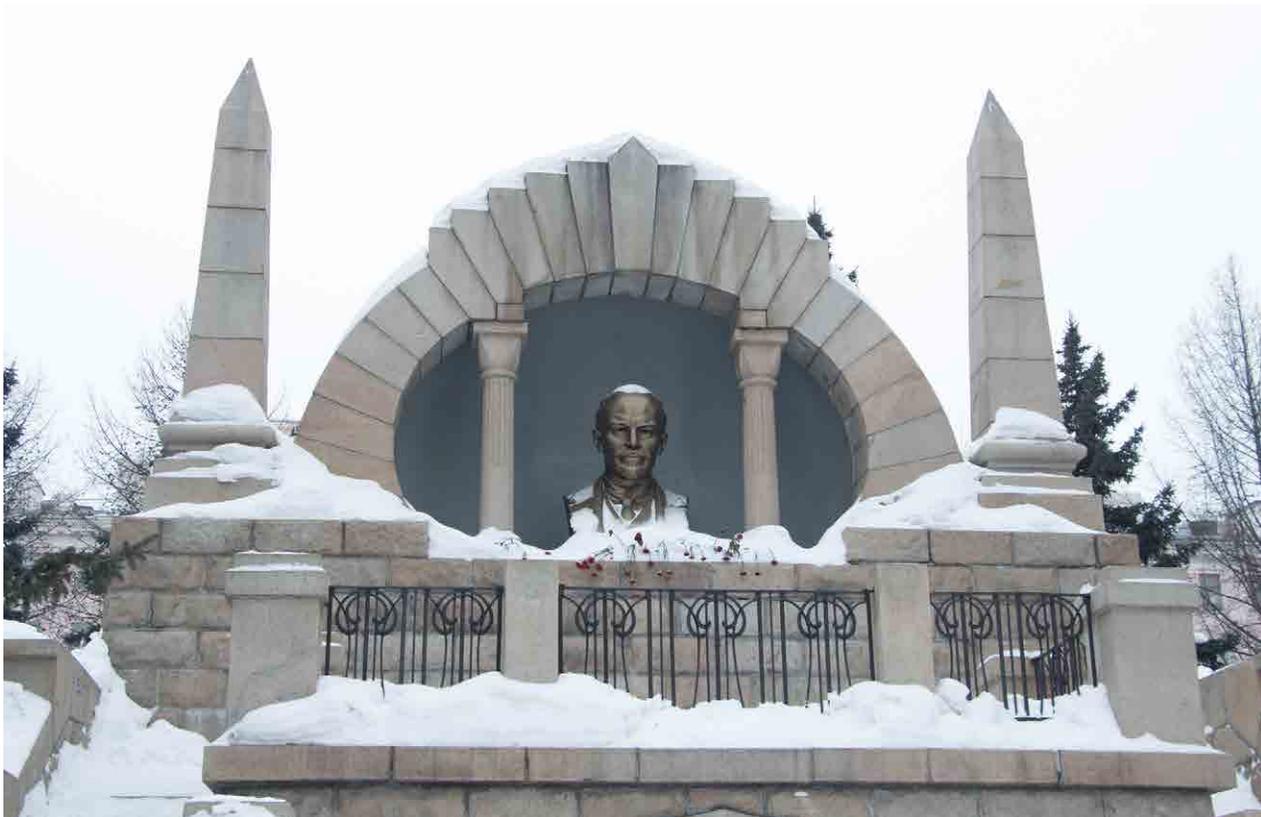
Особенно те, которые стали называть себя потомками самых первых древнеарийских челябинцев – выходцев из Аркаима. Эти рассказы говорят, что здание оттуда и перенесли, варварски повредив при раскопках и перестроив. А там оно было то ли частью древней обсерватории, то ли зданием древнеаркаимской мэрии – сейчас трудно сказать точнее, потому что сравнить не с чем.

У которых совести чуть-чуть побольше, те врут, что мавзолеем готовил себе легендарный основатель города, герой многих мифов разных народов Селяби ибн-Хоттаб, мир с ними обоими. Известный также под именем Челубея, под которым и погиб, мирно путешествуя, от рук воинствующих клерикалов Осляби и Пересвета. Тело тогда найдено не было, да и не искали особенно. А мавзолеем долго валялся в запасниках, пока не пригодился.

И те и другие сходятся только в одной детали – что Голова была вставлена в здание гораздо позже. Но всё это – чушь и вранье! Когда приедете и услышите – не верьте. Как и тем, кто расскажет вам, что в том далеком и морозном январе двадцать четвертого всем губернским, уездным и вообще занесенным на карту городам пришел приказ из Москвы – построить везде по мавзолею, потому что юная революционная генетика нашла тогда способ клонировать тело вождя, и скоро будут раздавать по городам. В нашем, как всегда, поторопились выполнять и построили. А в других не стали, то ли денег пожалели, то ли просто подумали, что, может, как-нибудь обойдется. Так и вышло. То есть, у генетиков ничего не вышло, за что их надолго и запретили.

На самом деле, всё гораздо проще. Был тогда объявлен закрытый конкурс: кто сделает самый красивый мавзолей, тот и удостоится – в Москву его детище отвезут. Естественно, наш оказался самый-самый красивый. Такой, что и отдавать стало жалко. И не отдали, как Москва ни требовала. Отговорились

* Речь идет о памятнике Ленину на Алом поле в центре Челябинска. – Прим. ред.

Мемориал П.М. Аерина на Иван nose

Мемориал В.И. Ленина. Фрагмент

тем, что перевозка никак не возможна, потому что сломается вся хитрая машинерия, установленная уральскими мастерами-умельцами внутри.

Там, действительно, сначала много всякого было наворочено. Голова,

например, сначала была внутри, снизу. А в нужный час поднималась наверх и громко говорила что-нибудь соответствующее историческому моменту. Или тихо подсказывала руководящим товарищам, стоявшим на балкончике во время

субботников и других праздников, чего говорить, если позабудут. Потом механизм сломался, голову переклинило наверху, и пришлось им говорить по бумажке.

А с подземным ходом, без которого, как все знают, подобных сооружений и вовсе не бывает, такая история вышла. Был он коротеньким, только до середины площади, где выход замаскировали под фонтан. По первоначальному замыслу из него должны были выходить, в чешуе, как жар горя, тридцать три красноармейца во главе с товарищем Троцким. Чтобы среди них на выходе можно было без труда затеряться, если что не так. Но вы же знаете, какая тогда чехарда началась – не успеешь одного извратить, как он уже и не годится.

В общем, плюнули и поставили – как раз юбилей Пушкина подкатил – идеологически нейтральную скульптурную группу из дядьки Черномора и богатырей. Не всех, конечно. Уже и энтузиазм был не тот, и денег жалко на одинаковых. По малолетству их не пересчитал, так что сейчас и не скажу точно, сколько

было видно. Пять-шесть, не больше, а основной состав подразумевался под водами.

В те годы коренные горожане очень любили туда приезжих водить. Хихикали шепотом и показывали исподтишка определенные ракурсы, с которых было понятно, куда целит Черномор заехать своей палицей.

Но тут в город занесло Большого Начальника, который, на беду всем, Пушкина читал, а не просто поминал всуе, когда надо было кому-то выволочку устроить за несделанное.

Он как глянул, так даже не стал траекторию выверять, сказал не всем понятное, но грозное: «Я еду, еду, не свищу, а как наеду, не спущу!», и приказал фонтан убрать.

Говорят, что фонтан этот до сих пор стоит на даче у кого-то из бывших. А убирали его впопыхах, вот тогда подземный ход и завалило. И сейчас даже самые отважные диггеры города бессильно разводят руками. В дверцу под балкончиком их не пускает дворник, потому что там у него инвентарь, а где еще можно залезть, они не знают, так

как чертежи пропали вместе с мастерами.

Вот так теперь и стоит достопримечательность без практической и идейной нагрузки. Просто для красоты, чтобы приятно было посмотреть.

Правда, не так давно была одна идея, когда искали, куда бы орган переставить. Но специалисты сказали, что по акустике не подходит.

Александр Чумовицкий

Фонтан «Черномор» перед памятником Ленину на Анан поле

Про Хромого Сталеваара

Давным-давно это случилось, когда заводов в нашем городе было больше, чем торговых центров и ночных клубов. В клубы тогда люди ходили днем, по праздникам, а по ночам, как раз, на эти заводы, где варили чугун и другие полезные металлы. Наверят к празднику, а потом уже идут в клуб хвастаться – кто больше.

В одном из чугуноварильных цехов и работал этот самый Хромой Сталеваар. Только его тогда звали еще не так, а по имени-отчеству. И даже фамилия у него была, которую сейчас, конечно, уже никто и не помнит. А она была написана во всех Почетных Грамотах, которые ему давали к праздникам. Очень он ими гордился и всегда носил с собой, на груди под спецовкой.

Да и с чего бы его звать Хромым Сталевааром, если он тогда и не хромал вовсе. Он вообще был очень здоровый и бодрый человек, очень любил работать. И особенно – в ночную смену. Особенно-то никто не любил, а он всегда говорил: «Если не я, то кто же?» – и уходил в ночь.

Вот однажды ночью всё это и случилось. Рассказывали, что виноват во всем был подручный сталеваара – совсем зеленый еще, только-только из ПТУ. Его даже и к домне не подпускали еще. Учили только уму-разуму. Ну, там – в магазин сбегать, в цехе прибраться... Уставал он, конечно, очень, не всё успевал.

Тогда его как раз в магазин посылали, и прибраться в цехе он и не успел. А сталеваар наш как пришел в ночное, так сразу и поскользнулся. Лодыжку подвернул, руками замахал, а ухватиться-то и не за кого. Так и рухнул в котел со свежесваренным чугуном.

И ничего от него не осталось. Только одна пуговица еще немного поплавала на поверхности, но потом и ее не стало. Пуговица та была знатная, еще прадедушкина, наградная – за пуск первой домны. Они ее в роду перешивали с одного поколения на другое. А тут вот не уберегли, пропала реликвия. Что уж говорить про Почетные Грамоты...

Чугун тот, конечно, весь закопали. С почетом и уважением вшестером несли. Ругались втихомолку,

но несли. Конечно, тяжело. Но не велено было, чтоб больше. Потому что если больше – внимание бы привлекло, слухи бы поползли. А тогда нельзя такое было, не одобрялось.

Только слухи, всё равно, поползли. Кто-то, видать, заметил, что очень тяжело несут, и сказал: ох, мол, и не сталевар там вовсе! И все стали шептаться и рассказывать, что сталевара-то там и не было.

А вскоре стал и он сам по ночам являться в цехе. Выйдет, рассказывали, из самого темного угла, из-за домны, прихрамывая, и давай всех хватать за пуговицу и спрашивать: «Где мои Почетные Грамоты?» А потом стали говорить, что Хромой Сталевар первым делом мстит всем пэтэушникам, утаскивает их с собой за домну. Те все, конечно, стали бояться. И перестали ходить – сначала в ночь, потом вообще на завод, а потом и в ПТУ. Так и получилось, что прежние сталевары все уже ушли на отдых по горячему стажу, а новая-то смена им и не пришла. И делать чугун стало некому.

Но Хромой Сталевар так и бродит ночами по родному цеху. Там теперь давно уже то ли магазин, то ли склад какой, а он всё ходит.

Если подумать, со временем от него даже большая польза может выйти. Вдруг кто-то заинтересу-

ется и захочет спросить: а что же здесь раньше было, для чего такое строили? Как спрашивают, например, приезжие, обнаружив на нашем Алом поле настоящий восточный мавзолей.

Александр Чумовицкий

Чай

из трилистника

Все-таки странный у нас город: Ву него тройные жабры – всё те же Шершни, Смолино, Первое озеро. Рыбаки давно заваривают чай из трилистника озер – на свой вкус, на свой цвет. Товарищей нет – есть магия: «Всё связано со всем, и весь мир можно увидеть в капле

воды»... Конан Дойл, да и только! На каплю эту – последнюю! – дуют ветры с трех сторон. На Шершнях – с юго-запада (открывай свой садок – судей не будет!) – успевай ловить-вытаскивать... На Смолино – с юго-востока (все ветры в гости к нам в Центр!). На Первом – с северо-востока (удивительно, что самый «гнилой» для рыбалки ветер здесь продуктивен)!

Челябинцы привыкли к выкрутсам родной природы – не жалуются. А чего жаловаться? На трубу за окном посмотрел – ветер определил... Вперед! Так вот чайёк и завариваем... на трех ветрах. Из трех ветров. А что? Вкусно!.. И каждый рыбачок рисует свой портрет. Арнольфини. И у каждого свой XV век. Собственный. Свой мост во Времени. Брюгге. Помните картину Яна ван Эйка? Ну точно Путин с беременной женой. Дай-то ему Бог... А мы чайку попьём... из трилистника.

Сергей Ефремцев

Чайханська

Обширний видъ и гъбля Міста

Дедушка- ГОЛЫШКА

В нашем городе с незапамятных времен на привокзальной площади стоит величественный монумент Деду Морозу. Сам Дед из камня, как и всё на Урале, а вот шуба да шапка у Деда настоящие, и мешок с подарками натуральный. Другим городам такое и присниться не может.

Народ у нас сметливый, до счёта охочий. Вот и считаем с конца декабря до той лютой январской

ночки, когда Дедушку нашего до последней ниточки оголят, оставят мерзнуть в чем мать родила. Нам круглый год этот остаток велено «Сказом об Урале» величать. Как велено, так и зовем – ко всему привыкли. Бажову какво? Бóже, а наш Божё куда смотрит? Дедушка-голышка – это же позорище.

Александр Попов

*Справа - монумент «Сказ об Урале»
на привокзальной площади Челябинска*

Кольцо любви орловой

Любовь Орлова

В молодости чудес много. Пока в армии служил, родители переехали на улицу Красную. Прежняя моя улица упиралась в самый край Востока, заканчивалась заводом, где фейерверки ладили. За моим домом солнце вставало, и я первым оповещал улицы о событиях на ней. Красная начинается на Севере, у реки, югом упирается в хирургический корпус горбольницы. Перпендикулярно прежнему курсу предстояло жить.

За первое утро опасался сильно, на балкон боялся выходить, там последние денечки мой дембельский май догуливал. Выглянул, а по Красной с Севера на Юг солнышко на спине катается, каждый листок ягодкой розовой метит. Пятнадцать лет довелось радоваться красным зорям самой короткой и, как оказалось, самой важной улицы города. В пуповинке ее на Алом поле лет триста назад город мой зародился. От рябины да от солнышка меди в недрах накопилось видимо-невидимо, от зорь закатных да от облепихи-ягоды россыпи золотые пошли. Потянулся народ с равнин векового рабства к нам

на Урал. Молодые со всех концов России понаехали. Те, кто пооборотистей, мигом сообразили – молодым перво-наперво кольца обручальные потребуются. Вот и стали их отливать, для тех, кто побогаче, из золота, для простого люда – медные. Сколько детишек благодаря тем кольцам сварганили. Ладно, что там, пора поближе к берегам нашего времени подгрести.

В тридцатые годы прошлого столетия индустриализацию новая власть затеяла, не до колец обручальных стало. Вместо них поршневые кольца изготавливать наладились. А в 1936 году приехала в наш город сама Любовь Орлова, первая звезда советского кино. Естественно, повезли ее на тракторный, рабочий люд вдохновлять. Мужики от красоты экранной так разогрелись, что словом красным побожились вместо десяти тысяч поршневых колец в месяц двенадцать выпускать, и слово мужское сдержали. В следующий приезд получила великая актриса в подарок от заводчан кольцо поршневое за номером 12210. С пифагорийской точки зрения есть в этом номере и мужское,

и женское начало, и символ любви, и знак совершенства. Любовь Орлова не расставалась с ним. После войны на пресс-конференции в Париже журналисты спросили ее о самом дорогом подарке в жизни, она кольцом уральским на вопрос ответила. С тех пор и пошли гулять по свету кольца любви орловой.

После кончины актрисы кто-то из ее родственников был в нашем

городе с лекциями от общества «Знание» и где-то в районе улице Красной кольцо посеял. Искали его тогда долго, считай, весь культурный слой города на поиски кинули. Не могли докумекать – кольцо на родину свою вернулось. Первым про то смекнул Фёдорыч, скульптор наш, мужик мастеровой, золотые руки, а сам весь вроде как из меди высокой пробы отлитый. Отыскал

он то место, где кольцо под землю ушло. Задумался крепко и соорудил здесь сферу любви орловой на рубеже двух веков, вроде как один век с другим венчается. С тех пор молодые со всех концов города едут сюда кольца свои обручальные освящать. Меди на сферу столько истратили, сколько браков за триста лет в городе зарегистрировано было. Вот такие дела. Благодаря Фёдорычу орлята один за другим рождаться стали. Был и до Фёдорыча еще один великий скульптор у нас, Урал за ум Головой его величал. Знал Голова всё наперед и загодя в самой пуповинке улицы Красной памятник Орлёнку изваял. Мне акушер один знакомый по большому секрету тайну сокровенную открыл, оказывается, из других городов, да что городов, из стран заморских молодые к нам потянулись орлят зачинать.

Вот так будущее на нашей улице Красной начало свое берет. Жаль, не на ней уже живу, а то глядишь, и мне бы что перепало.

Александр Попов

«Сфера любви» (фрагмент). Скульптор Виктор Митрошин

Маска, я тебя не знаю

Когда театр ЧТЗ после войны реконструировали, помогал в этом деле один немец пленный, из ихних архитекторов. И разработал он на радость глазу маскароны (то бишь маски лепные) красивые – грустные и смеющиеся. В стилистике неоклассицизма.

Строго было велено «сверху», чтобы плачущих и смеющихся

масок было поровну – ибо нельзя было в советской стране слишком много плакать и чересчур много веселиться, и то и другое зело подозрительно.

Ну, и сделали на фасаде масок и тех, и других поровну.

А в день открытия отреставрированного театра, говорят, неприятность случилась – залез немец на

Театр ЧТЗ после войны

Маска, я тебя не знаю

крышу и прыгнул вниз. Не хотел, значит, чтобы красота такая его победителям досталась. Терзался, наверное, сильно. Что с ним потом случилось – убился, выжил? История умалчивает.

Да только пополз среди доброго народа слух, что на фасаде стало с той поры больше на одну грустную маску. Причем ее ночами специальные люди, атеисты да идеологи, перелепить пытались. Обратно на веселую. А она всё равно под утро унылой оборачивалась.

Фашистов не жалко, даже пленных, даже талантливых. Может, по ним только маскарон гипсовый и может облиться слезами? Но как подумаешь об этом явлении необычном, нечеловечьем, коленки от жути сами будто гипсовыми делаются.

Константин Рубинский

Маяки ВМЗ в 50-60-е годы XX века

Эй, **вратарь**, ГОТОВЬСЯ К БОЮ

Среди гастролеров 60-х самыми заметными коллективами были московские и ленинградские театры.

Однажды к нам приехал театр Ленинского комсомола. Его сейчас знают как «Ленком», а тогда театр не стеснялся своего полного названия. В труппе – звезда на звезде: молодые А. Ширвиндт, М. Державин, блистательный В. Ларионов. И вот что интересно: в театральных анналах нет ни слова о спортивной стороне гастролей. А ведь были такие схватки, перед которыми канадская хоккейная серия семьдесят второго года просто меркнет. Во всяком случае, для участников поединков на челябинской земле.

Не припомню, кому на студии пришла в голову идея сыграть с ленкомовцами в футбол. Но всё организовывалось солидно. Нет, мы не получали гонораров, подобно нынешним мастерам кожаного мяча, однако афишу сделали самую настоящую. Она украшала собой гостиницу, где разместились артисты: «На стадионе „Локомотив“ состоится матч между „Вышкой“ и театром Ленинского комсомола».

Причем название «Вышка» несло только позитивное звучание: так гости окрестили нашу команду.

Подготовка к матчу была серьезной. Прежде всего, мы изучили «манеру игры» соперника. И быстро поняли, что «Вышке» – крышка. Они ухитрялись не только бегать, но и забивать... У нас тоже были достойные игроки, но, увы, они не бегали и не забивали. У наших уже тогда манера игры была, как у российской сборной: дотянуть до свистка. Но выиграть-то хотелось!

И тут мы вспомнили про нашего друга – замечательного хоккеиста Анатолия Алькова, известного всем челябинским болельщикам. Анатолий десять сезонов играл в «Тракторе», ездил в составе сборной СССР в Канаду. Для нас же важным представлялось то, что, в отличие от крепких, кряжистых спортсменов, Альков был «интеллигентного» сложения, к тому же начитанным. А казался Анатолий так, что казалось, будто режиссер убрал звук: не было слышно характерного звука скользящих коньков.

Конечно, «Вышка» не была пределом Толиных мечтаний, но он отозвался на приглашение, очевидно, из желания поближе познакомиться с артистками. А их на трибунах было несметное количество. Можно спорить о том, был ли Анатолий только половиной или всей командой, но второй половиной являлся вратарь. А вратарем поставили меня...

Замечу: весь мой голкиперский опыт был почерпнут из фильма «Вратарь». Я метался в воротах как лев... Сначала я отнесся к матчу несколько легкомысленно. Но когда игра началась, появился спортивный азарт. Тем более что публика на трибунах болела не на шутку...

Правда, весь первый тайм мяча почти не касался, поскольку Альков плотно прижал соперников к их воротам. С трибун неслось:

– Толя, играй проще!

А «вышковцы» просто не добежали до противоположной штрафной. Если и случилось кому-то из наших сделать рывок, рванувший вскоре устало возвращался на свою половину...

И вот в обстановке нашего полного превосходства мне все-таки

Балышники на челябинском стадионе «Локомотив»

удалось коснуться мяча: надо было ввести его в игру. Причем, по правилам – с земли. А с земли я не умел.

– Давайте, выбью с руки, – попытался выкрутиться я.

Но судья был непреклонен. Да и как можно было спорить с чемпионом страны по фигурному катанию, будущим судьей международной категории, самым популярным среди болельщиц челябинского

Он, вратарь, готовился к бою

футбольного клуба «Динамо» игроком Павлом Яковлевичем Ромаровским?!

В общем, я поставил мяч на землю, прицелился, ударил, и... мяч, попав ленокмовцу в коленку, срикошетил прямо в сетку... Хохот на поле и трибунах поднялся такой, что создатели кинокомедии про вратаря могли бы позавидовать.

По истечении тайма половину нашей команды заменили. Естественно, не Алькова. Ушли операторы, с позором был изгнан звукорежиссер, поле покинули два рядовых редактора, любимец телезрителей – ведущий популярной программы, и в их числе – я. Честь телевидения вышел защищать инженерно-технический состав телерадиоцентра, который спас игру и победил.

После матча ко мне подошел Александр Анатольевич Ширвиндт. В глазах артиста читалась тоска: приехать в Челябинск, глушь, провинцию, чтобы проиграть какой-то неизвестной команде! А ведь ленокмовцы были чемпионами театральной Москвы, уступая в упорных схватках только команде Боль-

шого театра, и то лишь когда за нее играли артисты балета.

– Старик, что же это?..

Я говорю:

– Да вы что? Кто?

– А вот он – это самое, – и Ширвиндт показывает на Алькова.

– Это наш новый звукорежиссер, – не теряюсь я. – Такая творческая находка.

О том, что состоялся матч века, телезрители так и не узнали: ведь мы в основном были «закадровыми» людьми. А вот театральные зрители недоумевали: почему на совершенно «гражданском» спектакле артисты передвигаются какой-то кавалерийской походкой? Действительно, в результате матча артисты ходили по сцене, как мушкетеры после долгой скачки на лошадях.

Затем мы – уже по-честному – сыграли с ленокмовцами в настольный теннис, волейбол... Но за тот футбольный матч обиду москвичи затаили.

Спустя тридцать лет в Челябинск приехал театр сатиры. В доме актера устроили капустник.

Участвовали Пельтцер, Аросева, Державин, Ширвиндт. И вот, со сцены, Александр Анатольевич на полном серьезе говорит:

– Мы играли в футбол с вашей «Вышкой»... Проиграли... Однако я уверен, что у вас был подставной игрок.

Что ж, как порядочные люди, мы во всем признались. И за давностью лет были амнистированы. Но чувство победителей осталось до сих пор.

Леонид Пивер

Левифан

Как-то великий диктор Юрий Левитан к нам в Челябинск выступить приехал. Как всегда, со своим микрофоном. Помнится, одна журналисточка молоденькая спросила: «А зачем вы со своим микрофоном ездите?» А он ее взглядом смерил

и говорит: «Деточка, в ваши микрофоны мой голос не поместится».

Выступал он в пединституте. Как начал говорить, у женщин мураши по спине побежали, а мужчинам захотелось тут же, в течение часа, коммунизм построить.

Юрий Левитан за работой

А как закончил, неприятная штука вышла. Микрофон со сцены после его выступления кто-то умыкнул. В страшную ярость пришел Левитан, рвал и метал. Ему это чудовище в тридцатые годы специалисты по акустике сделали, оно могло рев самолетной турбины выдержать да с такой же громкостью и мощностью в динамик передать. Левиафаном был Левитана микрофон – ибо «от его чихания показывался свет, а дыхание раскаляло угли».

Только фирменная солянка с кукумберами в «Уральских пельменях» Юрия Борисовича успокоила. Уехал он, но обиженный, зарекся в Челябину возвращаться.

А микрофон пропавший, говорят, как драгоценный камень на части распилили да по частям продали. Мембрана досталась Валерию Ярушину. Корпус – Олегу Митяеву. Оба в Челябинске тогда жили. А шнур от микрофона – Александру Градскому, копейчанину в то время.

И через некоторое время засияли счастливые звезды Ярушина, Митяева и Градского сперва на уральском небосклоне, а потом

и на российском. Случайно ли, думаете?

Только мало ли, много ли времени прошло, а уехали все они в столицу. И не потому, что на Урале тесно было.

Видать, так великий диктор на Челябину обиделся, что духом своей харизмы вездесущей через утраченного Левиафана не только на талант, но и на мироощущение наших

мужиков повлиял. Не выдержали, поддались. Теперь Россию из столицы прославляют, как когда-то сам Левитан.

А конденсатор от Левиафана, говорят, всё же в Челябинске остался. Ждем-пождем, с чьим именем он теперь из пучины забвения вынырнет.

Константин Рубинский

Ресторан «Уральские пельмени»

Ченч

*Памятник Горькому
перед Педагогическим
университетом в Чельенче*

Время такое амёбное было. Все и всё делилось на части. Вожди, начиная с Ильича, кепки таскали. В шляпах, удлинясь, семафорили враги трудового народа. Трудно представить было такое, что кто-то, когда-то, пусть даже не по своей воле, сменит кепку на шляпу. Но – на то она и Россия, что всё невозможное в ней возможно.

Стоял в нашем городе смотрящий за образованием, Максим Горький, стоял, естественно, в кепке, подавая пролетарский пример будущим педагогам. Возвышаться ему в этом головном уборе века отмерили. Шляпных дел мастера в его сторону и взглянуть опасались. Но беда в России всех по очереди бьет. Дошла она и до вождей. Правда, не при жизни она их по темечку тюкает, а чуть попозже. Из мавзолея вынесли, из библиотек изъяли, а в одну из ночей черед и до памятников дошел.

Подъехали служивые, смотрят: мужик в кепке и с усами стоит. Ну и давай раскачивать его из стороны в сторону.

У одного во внутренних органах что-то не так зашевелилось, дочь

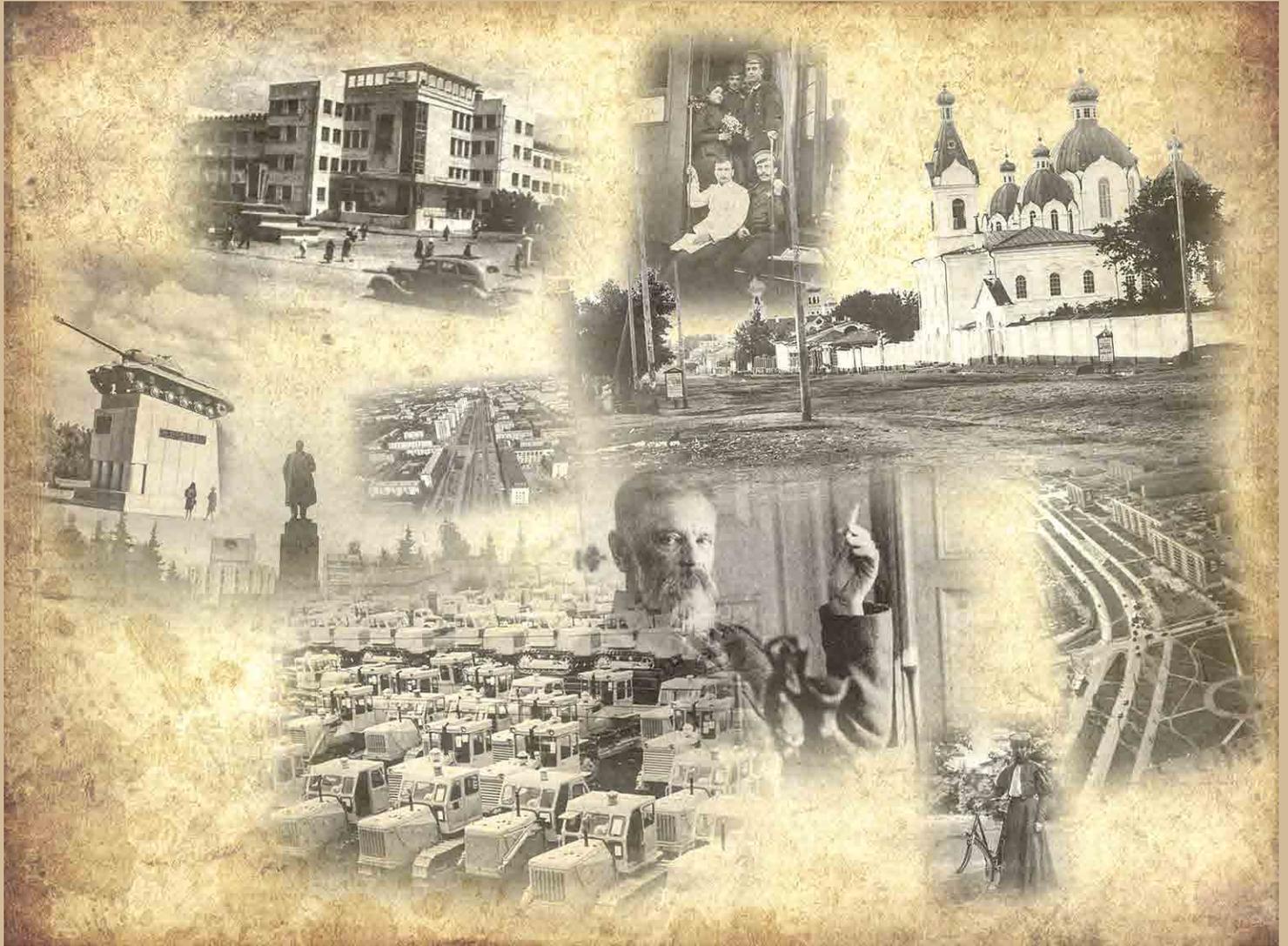
у него в институте на третьем курсе обучалась. Позвонил он ей из телефона-автомата:

– Дочка, кто у вас перед институтом в кепке и при усах: Сталин или не Сталин?

– Папка, какой он Сталин, это же Максим Горький, друг Ленина.

Испугались служивые, что чуть самого Ленина друга не лишили, доложили наверх. Там кумекали, кумекали по «буревестнику революции» и из-за опасения, что вдруг еще кто-то перепутает, постановили: кепку изъять, а усы оставить. Тюбетейки в городе не нашлось, а шляпа в музее отыскалась. Стоит с тех пор Алексей Максимович перед Педагогическим со своими усами, но без кепки, а в шляпу ему студенты знания после получения дипломов за ненадобностью бросают. Горе от ума больше никому не грозит, весь ум у Горького в шляпе хранится.

Александр Попов

Лунная походка

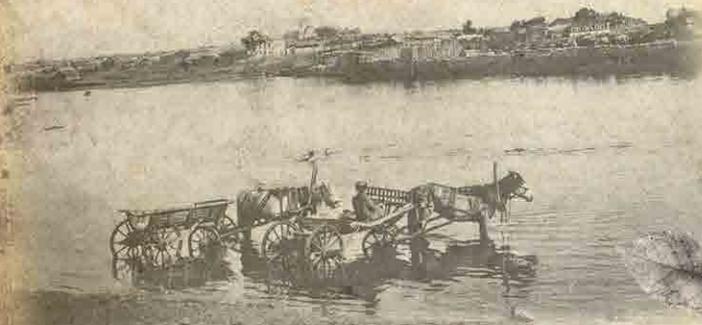
Помню отца танцующим чечетку на остановке в Синегазово; автобуса не было, и Бог весть когда он припилит; мы, как было заведено в то далекое время, всем семейством ездили в гости к сестре отца, а моей стало быть крестной, и к крестному, ее мужу. Где мы там бегали и играли, какой у них был дом, не знаю; но вот на остановке, где никого не было, кроме нас, – летний вечер, тишина, изредка машина протащится, и дробь каблук, и перебор ладоней, всё это так легко, неожиданно, весело, как внезапно и кончилось.

Откуда в нем это было? Прожив так много с отцом рядом, я ничего определенного сказать о нем не берусь. Так, какие-то эпизоды. Как-то раскидал компанию мужиков; мне сказал – поддержи. Я взял его плащ, а он начал месить эту свору красномордых. Они вылетали, выплевывая зубы. Правда, рукав его я тоже потом нес, а он, приложив пятак к глазу, сказал – «пошли дальше». Девушка успела убежать, а мы пошли дальше по парку

культуры и отдыха. Пятиклассник, чем я мог помочь?

Как-то отец купил аккордеон, наклеил бумажки на клавиши, и началась пытка моя. Может, у меня слуха не было, может, он педагог был фиговый, но в итоге именно его пальцы литейщика начали с достойным упорством тыкаться в клавиши. Из всей кучи наших пластинок я особенно любил с художественным свистом. Вот чему, пожалуй, я был не прочь подучиться. Но мне как-то и в голову не пришло спросить кого-нибудь; свистит, и я свищу. «Не свисти, – говорили мне, – денег не будет». В общем, по воскресеньям аккордеон доставался из футляра с бесстыдно красными внутренностями, после обильного застолья, как заведено было тогда – каждый выходной сборы, чаще всего у нас, с водкой, портешком, пивом, цыганочкой и барыней. Орали они все будь здоров, еще до аккордеона; инструмент – на случай пляски, в пол хорошенько врезать дробью да с визгом. Когда начиналось застольное пение, мы, дети, обычно убежали в другую

Челябинск — Schellabinsk № 14.
2-я улица города от Млеч.

Челябинск — Schellabinsk № 3.
Среднеюя река.

Челябинск — Schellabinsk № 47.
Поворот в галатку.

комнату или на улицу. Сестра ревели и затыкала уши над невыученными уроками.

Осенью отец, набив подпол карточкой, говорил: «Ну, еще зиму протянем», – и заваливался с книгой на диван, если это был будний день. Читал он всё свободное время, лишь с большой нужды набивал рюкзак и чемодан книгами, чтобы сдать в «бук»... от полочки до полочки. «Неву» он выписывал не то десять, не то двадцать лет. «Невой» была уставлена вся стена.

Как-то он все-таки выбрался в Ленинград. Приехал возбужденный, помолодевший, и восторженным рассказам об архитектуре Ленинграда не было конца. Как это всё воспринималось подростком, нетрудно догадаться – какая фурия! Это сейчас я понимаю его, по прошествии Бог знает скольких лет; вырваться из чумазого, неприглядного города, ни музея стоящего, ни театра, города, где он год работал по указу за опоздание на работу (на какие-то минуты) с вычетом в двадцать процентов. То время осталось невытравленным в наших душах, и пока жив будет хоть один слышавший заводской гудок, жива останется и память: полная зависимость от завода. И не верилось мужику ни в одну власть, ни при какой власти. Хочется чего-то такого. А чего? Выходной настает; вспомним, как наши отцы гуляли. И дребезжат стекла в окнах от слитного, в унисон, хора застольного.

Право слово, я могу бесконечно об этом говорить, поскольку ничего уже ото всего этого не осталось. В основном такая простая

мысль проклевуется: а что же мы собой представляем – следующее поколение? Да ничего особенного. Мы оторваны, и у нас тоска другая. Я не могу без волнения смотреть на свежую фотографию Майкла Джексона. Нет, я не меломан, мне до лампы, о чем он поет, да и голос, это вам, согласитесь, не Фредди Меркури, но однажды мне посчастливилось увидеть московское выступление Майкла, и я ответил челюсть, что называется. Этого просто не может быть – как он танцует, мурашки побежали. Могу вот так, и еще вот так, и эдак, ну же, господа-товарищи, радуйтесь, вот она – «лунная походка». Где-то я видел похожий всплеск души, ну да, автобусная остановка, Синеглазова, тридцать с чем-то лет назад, да это же мой папа!

Сергей Нефедов

Боевая подруга

Все знают, что у нас на постаменте в самом конце улицы Горького танк стоит. Да мало кому ведомо, что в полной он боевой готовности, хоть сейчас заводи и поехали. Весь секрет в том, где и у кого ключ от танка хранится... Пионеры искали-искали, не нашли, сейчас скауты ищут. Краеведы, те в округе всю кору на деревьях погрызли.

Грешен, знаю того человека, кто ключ от танка в своем сейфе держит. Сам я слаб в коленках, а она терпелива не в меру, давно могла танк завести да по обидчикам ладом проехаться. Легендарный Зальцман, директор Тракторного, ключ ей этот завещал да наказ давал при свидетелях. Из свидетелей нынче лишь один памятник Горькому остался, что у «Педа» смотрящим за образованием стоит. Студенты много раз пытали пролетарского писателя, но не на того напали, молчит буревестник революции и точка! Порой повернет голову в сторону танка, в ус улыбнется, кое-кому из преподавателей кивнет и опять застынет в позе смотрящего. Ректорат пытался к нему

с выпивкой да закуской подъехать, да куда там, плачет, а не берет. Говорят, сам диктор Левитан приезжал правительственным голосом увещевать: «Алексей Максимович, лучше признаться, у кого ключик хранится». Горький тогда к небу голову поднял, на Левитана голуби слетелись, и тот бежал в свою Москву успехи озвучивать.

Росточком хранительница ключа так мала, что заметить ее сложно. А вот в фамилии ее синевы, как в незабудках июньских, правда, отчество чересчур замысловато. А языком она не одним владеет, танк-то по многим странам Европы прошел, всяких слов понабраться успел. Большого поведать не могу, беспокоюсь за ее безопасность. Что касается имени хранительницы, скажу сразу, краше его нет на свете. В последнее время кажется мне, вот-вот не выдержит она бардака в нашей сфере, сорвется, достанет из сейфа заветный ключик, заведет боевую машину и ринется в последний, нешуточный бой. Много голов безответных полетит с насиженных мест к ногам

Горького. Т-34 в Европе порядок навел, неужели в родном городе не сумеет? А если вслед за ним пехота пойдет?.. Рядовых у нас пруд пруди. Заводы, подруга, поехали!

Александр Попов

*Танк на Кавсаповской
площади в Челябинске*

Жертва

«ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Тем летом в Челябинске выступал московский театр имени Гоголя. Мы, телевизионщики, заранее зная о гастролях популярного коллектива, выслали в театр сценарий инсценировки повести Фридриха Дюрренматта «Авария», созданный студийными авторами. Замахнулись, так сказать, на одного из самых популярных западных писателей того времени. Благо, в холодной войне наступила некоторая разрядка, и нам позволялось немного искусства «загнивающего капитализма».

Сюжет произведения, которое мы задумали экранизировать при участии московских артистов, когда-то был у нас хорошо известен. В доме бывшего судьи собираются отставные представители зарубежных «правоохранительных органов» – от адвоката до палача, которые от скуки разыгрывают судебные расследования над Наполеоном, Бисмарком. В общем, без дела – уголовного! – не сидят. И вот, когда в дом – по причине дорожной аварии – попадает новый персонаж, старики-разбойники умудряются

доказать, что тот виноват в гибели человека.

Я специально напоминаю дюрренматовский сюжет, чтобы показать, какое сочетание фантастики и реальности, психологии и детектива предстояло разыграть столичным артистам. Герои были выписаны автором просто великолепно. Актерам было где развернуться. Главную роль играл прекрасный артист Юрий Горобец. Под стать ему были и другие исполнители. Съемки шли пять ночей, поскольку по вечерам москвичи были заняты в спектаклях. Снимали мы не на видео, а на киноплёнку, тем самым почти на полтора десятилетия опередив телевизионный фильм В. Жалакявичуса с Р. Адомайтисом, Р. Пляттом, Ю. Ярветом и И. Мирошниченко. Режиссером челябинской версии «Аварии» выпало быть мне.

Уставали на съемках страшно. И очень завидовали атмосфере тишины и покоя, в которой существовали герои знаменитого швейцарца.

И вот – снят последний эпизод. На студийном «биг-бэнде» – пять утра.

– Это надо отметить, – сказал кто-то.

– Есть идея! – отозвался я как знаток местных значных точек. – Тут совсем рядом.

В те давние годы на месте бывшего (а тогда еще – будущего) института советской торговли, среди непролазной грязи, располагались склады и гаражи. И между ними был домик – магазин или буфет, по ситуации. Окрестные шоферы захаживали туда, чтобы опохмелиться. Командовала там Клава – почти кинематографический персонаж: разбитная, бойкая. Она понятия не имела о советской торговле, но кто бы и когда ни поступал, Клавочка вставала и наливала, спасая человека... Очень ее за отзывчивость любили. И не только шоферы.

И вот, труппа, как была в театральных костюмах, пробирается к владениям Клавы. Подходим. Я деликатно стучу.

– Кто там? – привычно просывается хозяйка.

– Клавочка, не пугайся, это артисты, – на всякий случай объясняю я.

А то увидит труппу в буклях, фраках, бакенбардах – с ума сойдет. Конечно, не столько проблемы интеллекта продавщицы волновали меня – но было бы обидно преодолеть грязевые разливы понапрасну.

Однако обошлось – нас впустили. Сидим, потягиваем недорогое вино, делимся художественными впечатлениями. Вдруг открывается дверь, заходит мужик, как в народе говорят, с большого бодуна, с единственной мыслью в подкорке: пропустить стаканчик... И – видит наших артистов...

Его зрачки расширяются до размеров лица. В его воспаленном мозгу проносятся сразу все мифы холодной войны: Америка победила, враг уже здесь и оккупировал святое опохмелочное место!.. С жутким криком жертва идеологии бросилась на улицу и понеслась прочь от гнезда диверсантов.

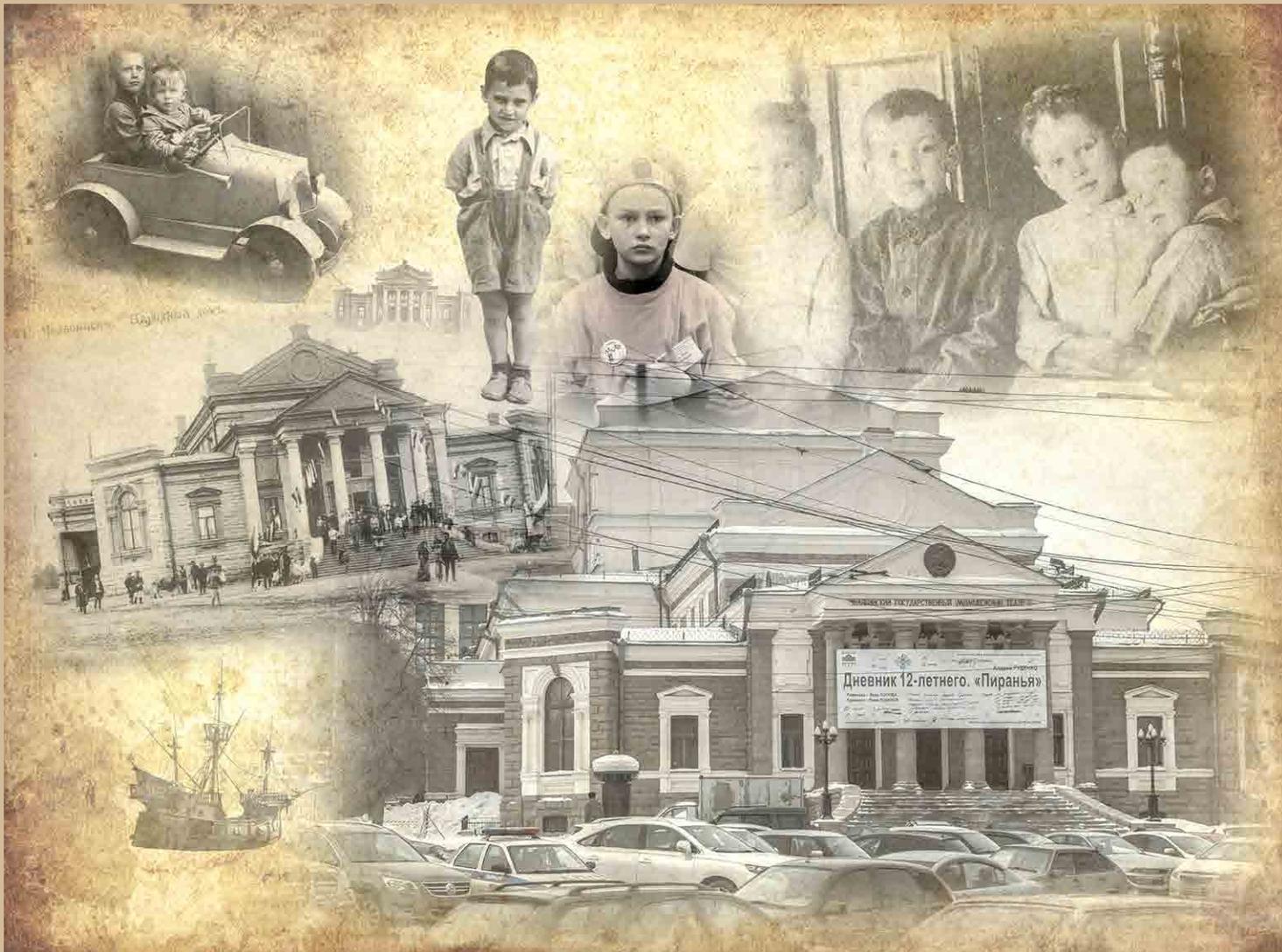
С нами был оператор, молодой, шустрый.

– Догони, – попросил я.

В общем, минут через десять наш юноша привел дрожащего мужика. Налили, как полагается... Тому заметно полегчало. Но недоверие оставалось. Даже после того, как кто-то из присутствующих отклеил накладной ус.

Повеселев, мужик ушел. Однако сквозь его благодарность по-прежнему ощущались сомнения... Что поделать, и на холодных войнах бывают контуженные.

Леонид Пивер

Дело – табак

Говорят, композитор Прокофьев запах табака не уважал. Нет, не тот запах дыма, к которому мы все уже привыкли, а первозданный, медовый, еще не прикуренный. Вроде и нежнее он, и слаще, и цветочнее, и естественнее – а вот не нравился Сергею Сергеевичу.

А я этот запах – ох, любил. Как проезжал в детстве мимо табачной фабрики, что рядом с нынешней Кировкой – вдыхал и наслаждался. И думал: как люди из такой красоты умудряются такой невкусный дым извлекать?..

Потом напротив табачной фабрики памятник Прокофьеву установили. Сидит Сергей Сергеевич задумчив, композиторску думу думает.

Вот с того момента, как он появился, фабрика – будто по знаку какому волшебному – начала хиреть. И в аренду сдавалась, и простаивала, а скоро и вовсе исчезла. И запах, конечно же, вместе с ней улетучился.

Хотите – верьте, хотите – морщитесь, а до сих пор не жалует Сергей Сергеич дух табашиный.

Константин Рубинский

Памятник Прокофьеву работы В.А. Авакяна

Памятник Прокофьеву на фоне Краеведческого музея и гостиницы «Малахит»

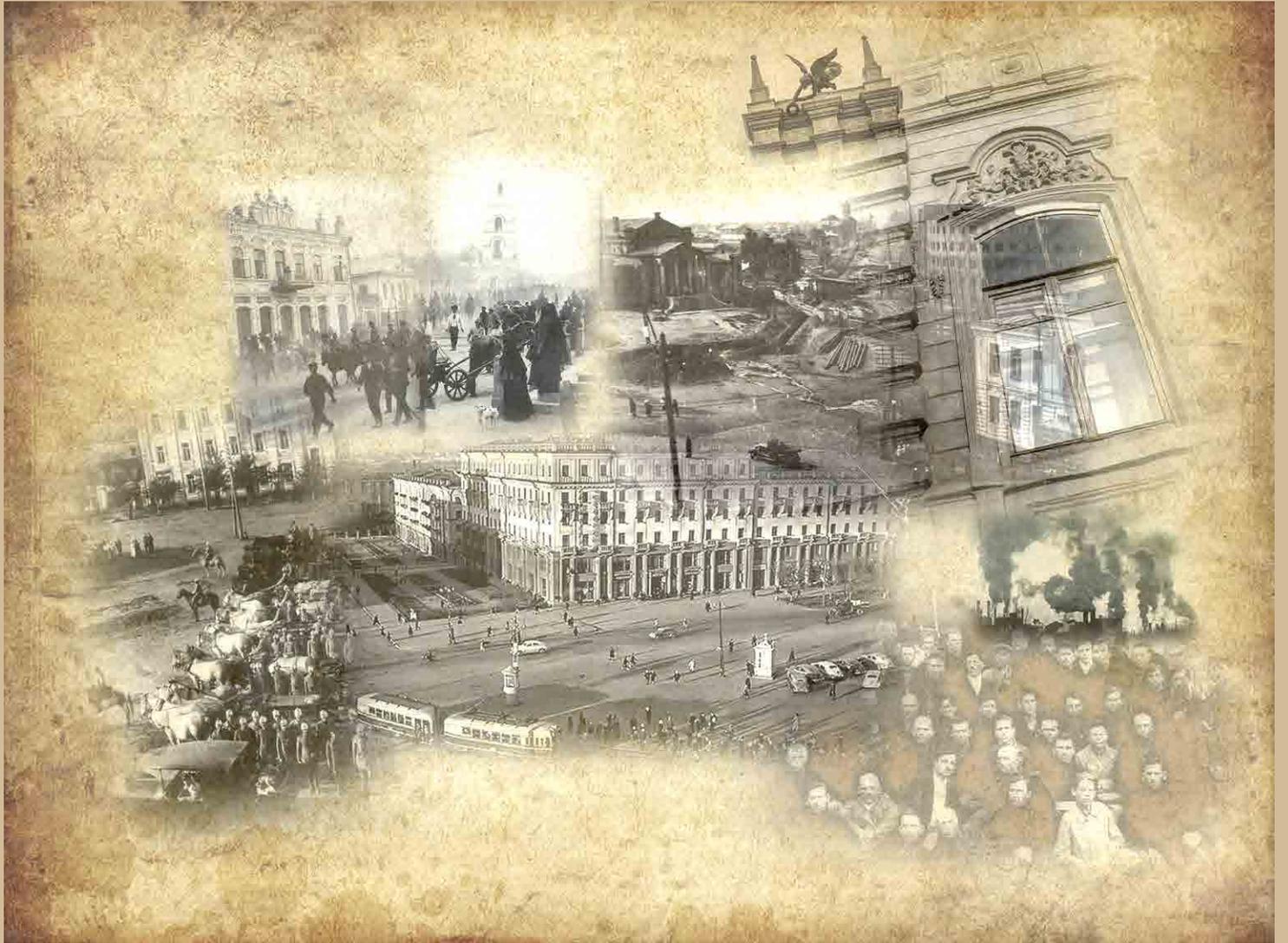
Аид ПО-СОВЕТСКИ

От советских времен в Челябине остались два ресторана, вернее, два их названия: «Уральские пельмени» да «Цыплята табака». Но мало кто знает: удержаться двум этим ресторанам на плаву и по сей день способствует ЗППП (закрытая площадка потайного питания, а не то, что вы подумали). Если провести мысленно прямую между «Цыплятами» и «Пельменями», посередке окажется Алое поле. Челябинцы не раз примечали – ближе к вечеру (особенно в жаркие дни) из «внутренностей» памятника-мавзолея Ленину, что рядом с аллеей пионеров-героев, доносится слабый запах еды.

История мавзолея началась в 20-е годы прошлого века. Тогда нижний уровень памятника распахнули для всех желающих: была организована читальня для повышения политической грамотности населения. Когда грамотность повысилась, памятник закрыли для внутреннего доступа.

После распада СССР в людях затлела ностальгия. И два челябинских «брендовых» ресторана

решили скинуться и организовать ЗППП «Общепит». От каждого из них к Алому полю прокопали подземный ход. Там по монорельсу скользят официантские тележки-самокаты и маленький трамвайчик для перевозки клиентов. Собственно, это не ресторан, а советская столовка 60-х. Пусть ее название не введет вас в заблуждение – доступ до сих пор открыт избранным (в основном бывшим «сливкам» номенклатуры и отставным высоким армейским чинам), которые в советское время объедались дорогой едой из распределителей, ощущая себя избранныками социализма. Соответственно, в капиталистическое время, чтобы ощутить элитарность, им снова нужна уникальная кулинария. Но где ее возьмешь? Икру, вырезку, словьиные язычки теперь можно купить в любом месте, пускай и недешево... И вот кто-то гениально придумал: если в СССР элите был недоступен вкус НАСТОЯЩЕЙ советской еды, то сейчас он как раз недоступен всем остальным, а элите должен быть открыт!

При входе в столовую нужно обменять современные деньги на старые (курс – 50 долларов к пятидесяти копейкам), в столовке – цены абсолютно советские. То есть, за семьдесят копеек можно пообедать с лихвой. Холодная манная «бабка», затвердевшая стылым квадратиком на тарелке – по восемь копеек, столько же – перловка, пахнущая невымытым холодильником, тушеная коричневая капуста чуть подороже. В котлетах практически нет мяса, но нет и соли – что там внутри, одному Ильичу известно. Компот в граненых стаканах очень даже ничего, хотя позавчерашний вишневый подкрашивают марганцем. В столовой на раздаче работают толстенные тетеньки с багровым цветом лица и соответствующими манерами, тарелку с супом бухают о стойку так, что суп расплескивается. Только молочную лапшу не постигает эта участь: последняя накрепко «схвачена» сверху неаппетитной пленкой-пенкой, по консистенции напоминает застывший гипс. Полумытые, жирные алюминиевые вилки с гнутыми зубцами

дополняют картину (ложек на раздаче нет; на робкие просьбы дать ложку или нож раздатчица хохочет вам в лицо, обнаруживая пиратский золотой зуб). Ну, и конечно тусклые тарелки с мутно-зеленой надписью «Общепит» и синими загадочными циферками на дне, а также угрожающего вида советский кассовый аппарат с громким стрекотаньем и выскакивающими на роликах счетчика белыми цифрами. Над кассиршей – выцветшая табличка с классической надписью типа «ПАЛЬЦАМИ И ЯЙЦАМИ В СОЛОНКИ НЕ ЛАЗЬ».

Не успеете поднести вилку ко рту, а мрачная старуха-уборщица в засаленном сером халате возьмет да протрет стол кисловонючей тряпкой (они специально на подхвате стоят, ждут, когда клиент кушать решится), и вам начнет казаться, что вся еда этой тряпкой пахнет. Впрочем, чай действительно пахнет: тряпкой, венником, опилками, жженым сахаром. «Тот самый чай» стоит три копейки, столько же стоит газировка из ностальгического автомата в предбаннике столовки, но

автомат в ответ на кинутую денежку издает «смывающий» унитазный звук, а воду не выдает: сломан. Словом, старые номенклатурщики рыдают. «Какую страну просрели!» – раздается там и сям. Героические идолы сверху хранят мстительное молчание.

В «Общепите» можно заранее заказать столик (эмалированный, на четырех тонких ножках, мокрый, липкий, шатающийся). Зал ресторана спроектирован так, что каждый столик под землей по расположению соответствует одному пионеру-герою сверху. Поэтому столики заказываются «под Морозова», «под Дубинина», «под Космодемьянскую». Никто не скрывает, что еду в основном готовят из объедков, которые остаются от посетителей «Цыплят» и «Пельменей». Но это, помимо безотходности и экономичности ресторанного производства, вносит дополнительный элемент здоровой экзотики в «Общепит». К слову, и простые граждане, проведав о секретном заведении, немного переплатив и подписав документ о неразглашении,

имеют право переступить порог элитного Аида. Правда, зашкаливающая яркость их воспоминаний уже несколько раз доводила до того, что к ЗППП вызвали карету неотложки. Впрочем, денег,

отданных за возможность побывать внутри аттракциона, назад еще никто не потребовал.

Константин Рубинский

Белый лист и стилия – ноль, и кур в ошип, во ши, вотще. А ты? Чистый лист – за счастье... за слезой окаемочной – там, – за стеклами очков, где ты и есть. Сам. Перед собою чисты все, штафирки и не – не важно. Жалко, важенок нынче мало – ватаги всё... олень – это теперь ругательство почему-то. Муть, короче. Окайгородило.

Набело – тяжело: мечту осуществляю – записать «сборник» (в 70-е так это у нас называлось) лучшего из «лучших». Былых и о былом. Как пишут сейчас в «Классик-Рок»: «...ностальгирующий по „Smokie“ сорокалетний придурок». «Придурок» – это я.

У меня, челябинца 1964 г.р., вся жизнь – под «Smokie», под «Eagles», «Nazareth»... и что? Родной город с ними рос и вырос... в 70-е... Меньшим патриотом не стал.

Снимаем кино? Кадр № 1: Ни один выпускной вечер (школы № 1, 2... 10... 56... 80... 121) не обходился без «What Can I Do». Первые влюбленности, поцелуи, измены и отдачи – ключи от дачи в кармане. Пошло? Дурачок! – это ж

молодость, – пятый этаж, не десятый! Модные водолазки, вечный си-тец юных сердец – раз! – и первый раз. А свидания «под левой гусеницей танка» на Комсомольской? А «майские рассветы»? А первые «кассетники» – «Весна» на улицах Челябины. Помнишь?

Такая вот идея: где-нибудь на Броде (ой! – Кировке) кафешку открыть, назвать непременно «Сороковка» – для тех, кому за... «Midnight Cafe». И чтоб дежурное блюдо – окрошка и пельмени, «Smokie» и орлиный «Hotel». Нет-нет, Калифорнией чтоб и не пахло, – это ж наше всё, почти шершневское... А рядом «Шестидесятка» – там джаз, там Глен Миллер с Эллой. А еще «Планета Ариэль»: «милая, поверь-поверь, я люблю тебя теперь...», Джон Леннон, так и не нашедший у нас своей улицы, вечный Паша Макаров... «Ариант» свою продукцию будет поставлять – за созвучие.

Кадр № 2: «Stranger...» Нужно что-то объяснить? Если ты челябинец 60–64 г.р. (плюс-минус!) – нет!

Кадр № 3, 4, 5, 6... «Back to Bradford» – «уж вы сени, мои сени,

сени липовые...» – ну очень похоже... Из распахнутых окон – то тут, то там – музыка. Сейчас этого нет. Твоя родная улица молчит, пещерным питается – наддвинным TV, перепоночным FM. Всё как у людей... Только Крис Норманн в гости не заходит, – брезгует, наверное...

Кадр № 7: Концерт «Nazareth» в Челябинске... Лет пятнадцать-двадцать назад – немыслимо! Но: «Звезды восходят на Западе, а заходят на Востоке»... Солидные дяди и сопливые девчонки – рядом. Одна другой: «Это чё, МакКартни петь будет?» Оборачивается один из

«солидных» и – через скрип кожи: «Запомни, деточка, – МакКартни – это „Битлз“, а МакКафферти – это „Назарет“! Тебе „Блестящих“ слушать...» А потом «солидный» утирал слезы под «Dream On»...

У каждой улицы была (и есть!) своя музыка – не замечали? Для нашего многодымного города «Smoke» – в самый раз. Снег выпал – белый лист под ногами. Привет из прошлого. Хруст снега не может быть пошлым. Пошли в 70-е? Провожу!..

Сергей Ефремцев

*1970-е. Фото из архива
Людмилы Боробулкиной*

Кировка

Городовой, который стоит на пешеходной Кировке у торжественно-строгого здания областного парламента, он из какого времени? Я думаю, он из 1911 года. Примерно. То есть он стоит здесь сто лет. Округленно. И представьте себе, что он вдруг встряхнулся, сделал

шаг и пошел по улице, по сегодняшней Кировке. Что он увидит?

Вряд ли он узнает здание бывшего банка. Оно и для нас не очень привычно еще. Сначала его перестроил и облагородил архитектор И.А. Голомбек, а совсем недавно оно надело на себя темно-лаковые

Кировка

Вид на Кировку сегодня

одежки, став еще официальнее, чем прежде. Хотя и прежде ему хватало представительности и даже надменности. Как бы то ни было, но это – «самое властное» здание в городе. Именно за его стенами принимались решения, которые потом, так или сяк, меняли жизнь. Только в последние годы оно потеряло право на первое слово.

Городничий обрадуется зданию кинотеатра «Знамя». Тем более что и сто лет назад оно было киношным, только называлось не «Знамя», а «Люкс». В нем челябинцы начинали познавать важнейшее, как потом выяснилось, из всех искусств – кино. Городничий обрадуется, потому что легко узнает это здание, оно почти не изменилось. И еще ему приятно увидеть на стене бывшего «Люкса» барельеф городского головы Александра Бейвеля.

Как не узнать ему здание торгового дома Валеева? Когда-то ослепительно красивое, оно и теперь не потерялось среди новых построек.

Справа городской отметит здание, в котором нынче спортивный

магазин, а некогда – известный в городе и даже пресловутый ресторан «Арктика». Правда, оно подросло на два этажа, но под ними кирпичево-бордовая кирпичная кладка с арочными окнами прекрасно сохранилась.

Городовой, конечно, не мог знать, что на месте деревянных домиков и лабазов взметнется на четырнадцать этажей дом, принадлежащий перу, карандашу и ватману трех архитекторов – Б. Петрова, И. Талалая и Б. Баранова.

Городовому незнаком и почтамт, построенный в 30-е годы архитектором Н. Футуковым. Теперь он обновлен, надо считать, стал лучше. Может быть.

Так и шел городской по новой Уфимской, слева и справа отмечая памятные для него номера Козакова (цена от 1 рубля до 2 рублей 50 копеек), номера Зябликова, номера Еввиной, вплоть до номеров Новиковой («Эрмитаж»!) в доме Холодова.

Ясно, что наибольшее впечатление на городского произвела голубая башня «Челябинск-СИТИ».

Немало и современников недоумевало, почему этот небоскреб должен торчать на «низкой» улице Уфимской. Но, как это бывает, недоумевания испарились, а башня стоит.

Да, улица Кирова не представит перед городовым как совершенно чужая. Но самое необычное для него то, что на улице нет лошадей, тарантасов, экипажей. Что нет грязи, пыли и конского навоза. В 1908 году в Челябинске было 735 извозчиков. Где они? Как можно без лошадей? Впрочем, городской мог знать и автомобиль. Например, автомобиль Аглаи Мордаковой, которая, кажется, была первой, кто намерился открыть автомобильное движение в городе. На ее прошение городской голова Бейвель ответил – дескать, возражений нет, но надо уплатить по пять рублей за каждую лошадиную силу. А кому водить эту «самобеглую коляску» с красными кожаными сиденьями? Известно, кому – извозчику. Тому же Егору Тумасову. Егор и сам бы рад, но – необучен...

Зверинская улица (нынешняя Кировка), начало XX века

Теперь Челябинск гордится своей Кировкой. Неизвестно, кто ее задумщик, но исполнитель – бывший мэр Вячеслав Тарасов. Заслуга – его. Правда, никто, в том числе и сам Тарасов, кажется, не рассчитывал на тот эффект, который произвела Кировка.

Она – образ благополучия. Всякий, свой или гость, пришедший на эту улицу, окунается в такое чувство, что в этом городе всё хорошо. Если на других улицах, в их толкотне, толчее и бестолковщине, человек «взвинчивается», то здесь – успокаивается. Может быть, это

одно из немногих мест в городе, которое – для горожан. Где о них подумали, позаботились, где – ублажили.

И тем Кировка мила сердцу челябинца, особенно молодому, что она как бы «европейская». Она чистая, витринная, плиточная, рекламная,

Кировка. Скульптура «Мальчик с верблюдом» (фрагменты)

фонарная... Иногда можно забыть и увидеть себя где-то в европейской столице. Особое удовольствие – сопровождать гостя из деревни, из малого города, да и из любого города, будь то даже европейский. Видеть, что им нравится, что они едва ли не восхищены. Мило видеть, как провинциалы фотографируются у «Нищего», у «Мальчика-чистильщика», у «Саксофониста», у «Барышни-модницы»... Тут тебе и художники, и певцы-музыканты, и какая-то еще богема.

Городовой дошел до улицы Труда и вернулся на свое место.

Это фантастика – прогуляться по Кировке через сто лет... Городовой это сделал. А нам – удалось?

Михаил Фонов

Главная площадь

Я стою на площади. На Южной. И на площади Революции. Сразу на двух. Хотя это одна площадь – в разные времена. На том самом месте стою (на том?), где, судя по снимку-панораме, в начале прошлого века возвышался бело-беленый цирк-шапито. Я стою у столба как раз напротив входа в цирк (не дверь, а ворота). Крыша цирка – конус, перерезанный узким «пояском», на пояске – окошко. Ниже, на скате конуса лежит окно же, но большое, будто на кровлю положили окно веранды. Но внутри, в проеме ворот, темно. Там кто-то есть, но я не различаю лиц. Меня отвлекает тарактень телеги. На телеге мужик и два мешка. Куда гонит мужик? Я оборачиваюсь в беспокойстве, как бы лошадь не уперлась в гранит сегодняшних трибун. Однако не асфальт вокруг, а пожухлая травка кулижками, тропинки и колеи вкривь и вкось.

Челябинск долго поднимался к Южному бульвару. Только к 1875 году он рядом усадеб и тюремным замком среди них подступил к березнякам южной окраины.

1875 год? Вспомним? П.И. Чайковский пишет Первый концерт для фортепьяно с оркестром, а Эдвард Григ – музыку к драме Г. Ибсена «Пер Гюнт». Почти четверть века, как умер Н.В. Гоголь. Четыре года назад вспыхнула и сгорела Парижская Коммуна. Д.И. Менделеев только что открыл свой (и всех) периодический закон. Кудрявому мальчику Володе Ульянову – пять лет.

Двести лет Челябинск прощался со старым центром, поднимаясь от берега Миасса выше, к пустырю, где однажды заложит свой новый центр. От площади Соборной – к площади Революции.

Знал ли кто, что этот, теперь всем известный дом против площади Революции, построенный в 1938 году, начнет Большой Челябинск? Его подарили нам два московских архитектора, о которых мы мало что знаем, – П. Кухтенков и А. Максимов. Это – первый дом нового Челябинска. Того, который есть и который будет. Он – уже памятник. «Вряд ли можно представить себе что-либо другое на этом месте», – сказал скульптор Лев Головницкий.

Он увидел в этом здании благородство, гармонию форм и пропорций, доступность и чистоту характера.

Это здание, презрев провинциальную скромность, монументально вознеслось и раскинулось на весь квартал, подмяло под себя и домик с белыми ставнями на одном углу, и белый особняк в два этажа, и еще ряд строений, в том числе длинный деревянный дом на кирпичном полуэтаже, стоявший на другом углу. «Этот дом сразу „забрал“ на себя всю площадь», – сказал архитектор Е.В. Александров. С той поры, что бы ни задумал город строить, он должен был «танцевать» от этого Первого Дома на Южном бульваре. Он, этот дом, – веха.

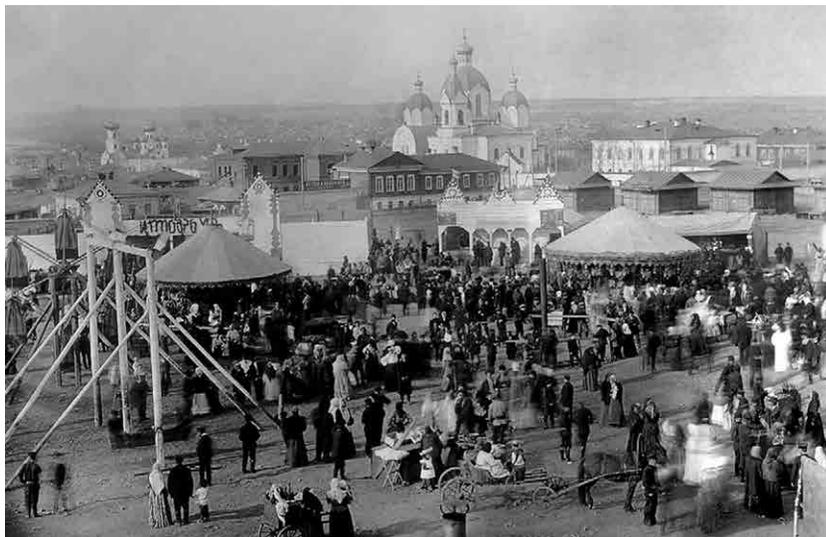
Сколько вех было в истории Челябинска? Паровоз – веха. Трактор – веха. Домна – веха. Начинал он, однако, с чая и хлеба. Не производя ни того, ни другого, был городом чайным и хлебным. А первой вехой был верблюду.

Конечно, площадь сама по себе всего лишь пустое место, что, впрочем, в городе тоже важно – где

и сколько в нем пустоты. Но ей, пустоте, надо дать форму, обрамить. Семь зданий обрамляют площадь Революции с трех сторон, эти три ее грани выточены любовно. Кроме, пожалуй, одного здания, усеченного в борьбе с излишествами. А четвертая грань отодвинута зеленью сквера.

Хорошо бы изредка иметь полчаса свободного времени и свободной души, чтобы совершить короткое шествие или даже восхождение, поднявшись на пятнадцать метров вверх от площади до театра драмы. В полном умиротворении побродить по скверу, повернуть головой, осматривая деревья, дать глазам отдохнуть на газонах, постоять у фонтана, перейти улицу Тимирязева, подняться к театру, откуда открывается панорама города вплоть до заводских окраин.

Это тот Челябинск, к которому я хочу причаститься, который люблю и которым горжусь. Он не опускает, а поднимает меня, он полон достоинства и достоинством наполняет меня. Нет, он не обманывает впечатлением благополучия и процветания, потому что он, эти

Южная площадь. Начало XX века

двадцать гектаров городского центра, – не мираж, а явь. Значит, отсюда пойдут круги на весь город.

До паровоза Челябинск был славен только захолустностью и захудалостью. В.А. Жуковский черкнул: «бедный городишко». Н.М. Чернавский насчитал сто лет уездного

захолустья. Д.Н. Мамин-Сибиряк увидел – грязь, вонь, навоз, собаки, мухи, тараканы, блохи, клопы. «Спать ложатся с курами. Спят – не разбудить». Газета «Голос Приуралья», уже в начале двадцатого века, вспоминала «захудалый городок, как болото, где изредка лопаются пузыри и слышится глухое урчанье».

«Ели, спали, женились. Плодились, размножались и опять умирали».

Однако не сказать, что так уж плодились и размножались. В первые 150 лет (до паровоза) город набирал всего по 50 человек в год. В следующие 50 лет (до танка, до войны) ежегодная прибавка подскочила до 5000 новых жителей. Еще 50 лет после того город принимал каждый год по 15000 человек. Выйдя за пределы четырех бульваров, город рос быстро, рывками. Сначала он прирастал слободами (Пригородная, Сибирская) и поселками (Колупаевка, Шугаевка), а позже – районами. Заняв южную окраину вокруг вокзала, он принялся за восточную равнину, затем перекинулся на северные березняки и, наконец, застроил северо-запад.

Аллея сквера, та, что выходит на улицу Цвиллинга. Я остановился и в створе между кедром и елями увидел гостиницу «Южный Урал». А это кто? Я «вижу» Игоря Ильинского. Он идет к себе, домой, в свой 199-й номер, в котором жил в годы войны. Но вдруг всё исчезает, и передо мной – церковь, ее купола,

Вид на площадь Революции, 50-е годы XX века

будто шлемы или раскрытые зонты на белых барабанах с длинными узкими окнами, и белые стены «бочек» крестового свода. Кто это за каменной оградой монастыря в окружении послушниц? Игуменья Лидия. В миру Любовь Сергеевна Калатинская. Единственной дочери богатых родителей, судьба, казалось бы, предвещала Любе только светлые годы. Она вышла

замуж за коллежского асессора Уржумцева, по любви, и была счастлива с ним. Но вдруг умирает муж, а через месяц – мать. Три года Люба ухаживала за отцом, которого сковал паралич, а когда похоронила и его, всё доставшееся ей богатство пожертвовала монастырю, ему же «пожертвовала и себя». Начав послушницей, Лидия умерла игуменьяй в 1879 году 45-ти лет

от роду. Похоронили ее при Одигитриевской церкви, рядом с могилой первой игуменьи Агнии. Знает ли кто, где их прах теперь?..

Когда монастырь был закрыт, там разместили детский приют, который в 1932 году показывали Луи Арагону и Эльзе Триоле.

Хоть он был украшен и парадной лестницей, и четырьмя колоннами, и огромными угловыми окнами в узорах кирпичной кладки, Народный дом оставался поистине народным.

Я вижу Народный дом глазами Юрия Либединского. «На сцене всё те же декорации – украинские мазанки, огромные подсолнухи. Обросший рыжеватой щетиной Васенко звонит в председательский колокольчик. В зале холодно, на нем пальто, но кепка лежит рядом». А то вдруг у колонн увижу Самуила Цвиллинга.

Колонны Народного дома – молчаливые свидетели минувших дней.

Кто бы поверил теперь, что во времена оны архитекторы мечтали снести Народный дом, чтобы на его месте построить нечто

*Вверху: Вид на площадь Революции и магазин «Ритм»
Внизу: Здание бывшего Народного дома*

достойное новой эпохи. Новой эпохе хотелось, чтобы всё – новое, ничего – старого...

Две улицы – Сони Кривой и Тимирязева – по сути одна улица. Их почему-то разделили улицей Воровского. И скривили. Ради площади. Точнее, ради сквера – чтобы дать ему больше места. Будь они прямые, неразделенные, то пересекли бы сквер у фонтана и уперлись бы в парадную колоннаду здания, в котором располагается управление железной дороги.

Площадь Революции молода, ей всего полвека. Пройдет еще столет – и что? Не знаю. Была идея третьего центра – вернуть его на берега Миасса. Может быть, так и будет. А эта площадь? Она изменится. Приблизится к совершенству. Оставаясь собой.

Михаил Фонов

Сплав И СЛОВО

... В ту смену начальник 1-го мартеновского цеха Челябинского металлургического завода чуть было не поседел. Над ним, словно два боевых крейсера, навстречу друг другу на высоте двигались кран с 360 тоннами расплавленного железа и ковш, весивший примерно столько же. Двигались, пока не уперлись друг в друга, разбрызгивая искры пламени. Погас свет, кто-то внизу закричал

«караул». Молодых крановщиков, поспоривших, чья машина сильнее, сняли с высоты и всыпали по первое число. Благо, никого не угроби́ли и сами не угроби́лись.

Одним из спорщиков был деревенский парень из Башкирии, приехавший в Челябинск учиться и работать, – будущий поэт Валентин Сорокин.

– Нас наказали, и правильно сделали, – рассказывал он о том

случае. – Но ведь это не хулиганство, а что-то совсем другое, верно?

Вот это «что-то совсем другое» и есть «великая военная тайна», неведомая модернистам, космополитам, всечеловекам, нуворишам и прожигателям жизни. Они бы многое отдали, чтобы тот ЧМЗовский кран рухнул – и не стоял бы тогда Валентин Сорокин три десятилетия комом в горле у «изящной российской словесности», зажигая русские искры в сердцах и поэтических строчках слушателей Высших литературных курсов.

В чем его только ни упрекали – в национализме, квасном патриотизме, шовинизме; называли то черносотенцем, то сталинским душеприказчиком, ненавидящим «иноземные свободы». А следом за этим и Челябинск с его поэтами-металлургами, влюбленными в суровые уральские просторы, обьярлычили чуть ли не колыбелью «русской великодержавной идеи».

И вот ведь в чем дело – интуитивно они правы, хотя и высказались поверхностно...

Свой первый сплав – великий и поэтический, державный и родной – Валентин Сорокин выплавит еще в детстве, в небольшой башкирской деревушке Ивашла, когда узнает, что его предки-казаки сражались на Куликовом поле, а потом пришли на Урал лесничить. А тут – своя мифология. В здешних краях что ни озеро, ни гора – то легенда о мужественных батырах и стройных красавицах, чья любовь зажигает сердце и творит героический образ. Именно героическое начало движет кровь по жилам народного эпоса и отзывается эхом в лирическом герое, которому шум родных осин дорожке музыки небесных сфер. Появление у Сорокина под одной обложкой Куликова поля и уральских скал, с грозой налитыми облаками над ними, было предопределено.

«Что-то совсем другое» выплавлялось и в челябинских мартенах. Многотонные машины, которые уже сами по себе шедевры инженерного искусства, вдохновляли, героизировали сам смысл существования возле них человека. На Урале

эти механизмы становились тканью мифов, получали имена, подобно атомным реакторам Руслану и Людмиле. И служили предметом гордости. В «Исповеди металлурга», ведомый этим чувством, Валентин Сорокин выдаст тайну ЧМЗ:

Цех мой, сталью космической
славный...

Промышленная мифология проникала в человека, западала за воротник, или попадала в ботинок раскаленным куском шлака, как это случилось, и тоже на ЧМЗ, с будущим губернатором Петром Суминым. Подходящие, точные, раскаленные слова из «великого и могучего» сразу приходили в голову и срывались с языка. Близкий друг Валентина Сорокина Юрий Смелянский очень точно скажет о поэте: «Горячее сердце в горячем цеху». Промышленный клочок на Урале был словно былинным. А следом становились понятными и суровая нежность уральского мира, и животворящий огонь, разлитый по ковшам, и внутренняя

сила, которая когда-то в мгновение ока переименовала Челябину в Танкоград.

Война, где текли раскаленные камни и горели реки, стала особым, самым тягучим сплавом. У Валентина Сорокина отец вернулся с фронта инвалидом; каждый дом в их селе был пропитан любовью и мужеством; память о героях, сошедших с небес в могилу, чтобы питать корни будущих поколений, в душах вырезалась по-живому. Оттого в лирике послевоенного поколения земля кровоточит, проступает жгучей холодной росой, мерцает краской-серебрянкой.

Обелиски густы на селе.
Край пронзили собой обелиски.
В дождевой
и проржавленной мгле
Растворяются длинные списки.

В поэзии послевоенного поколения, не успевшего «окурить лиру порохом», это звучит повсюду. К тому же люди, знавшие о жизни «нечто большее» – отцы, старшие братья, – были рядом; их дыхание

тоже было живым, и оно рубцевало молодое поэтическое слово.

А оно спешило к поэме – большому жанру, могучему, как боги и герои, которых всегда идеализировало человечество, вглядываясь в свое прошлое, причем не всегда далекое. В спутниках Сорокина оказывались не только Евпатий Коловрат и Дмитрий Донской, но и опальный «бессмертный маршал» Г.К. Жуков.

Эту поэму, за которую Валентин Васильевич будет удостоен премии, поначалу приняли в штыки, признав идеологически вредной. Вычеркивали влет целые строфы, подобно тому, как легендарный маршал в «почетной ссылке» отстреливал уток на озере Шугуняк близ Челябинска. Он – охотник, ему можно. Чиновникам от литературы – тоже можно, иначе чем же им еще оправдать свое существование? Сорокину, уже на посту главного редактора издательства «Современник», тоже придется бороться с «министерством правды», отстаивая того же Б. Можая или В. Тендрякова. Как в молодости:

«чья машина сильнее»? Хулиганство? Нет, нечто иное...

Боги и герои не дают людям спать, и отсветом вычлениют из толпы лица – тех, кто «был абсолютно объективен, прост и наивен; не углублялся в свои узко-личные интересы, был благороден, всегда храбр и отважен, всегда был на страже интересов своей родины, был возвышен душой и далек от всяких мелочей быта». Именно так, в мифологической парадигме, А.Ф. Лосев определял для себя героя.

«Ненавижу беззаботность в творчестве. А сытость презираю всеми яростями», – признается Валентин Сорокин в одном из интервью. С таким накалом характера он попал в водоворот новейшей истории, где в мгновение ока пустые прилавки превратились в лоснящуюся сытость, а русский мир наполнился пухленькими от удовольствия рожицами. Уже на излете советской эпохи начнется тотальная дегероизация российских просторов. Глыбы человеческих судеб мельчили в песок. И кто мельчил? Торгаши,

жулики, пройдохи, лицедеи, «роскошные товарищи» с женами, не желающими рожать, циники-ценники, продававшие как историческую правду, так и героические мифы, созданные предшествующим поколением.

«Я родился – враг перекрестился» – вложит всего себя в одну строчку Валентин Сорокин. Его неутомимая энергия, движение рук, жесты, словно поэт дирижирует ветрами на горных уральских перевалах, его сплавы, превращающие

слова в пули, – и против кого? «Не люди, а какая-то плесень», как сказал когда-то Чехов, уезжая на Сахалин «вычеркнуть из жизни года два». Стоит ли опрыскивать их есенинской тоской, мстить им за утраченную героическую эпоху?

Валентин Сорокин назвал бы такую позицию упадничеством, и был бы прав. Хотя сам признавался, что иногда впадает в такую боль за всё, что происходит вокруг, что никакого оптимизма не хватит противостоять прожорливой тьме в душах как власть предрержащих, так и власть неимущих. Но при этом напомнит, что «тьма» в былинные времена Донского и Коловрата – это имя числительное; и вновь, «дыша вечным пламенем отваги», будет рассыпать с высоты стальные искры.

Нет, все-таки хорошо, что многотонный кран тогда не сорвался с балок!..

Вячеслав Лютлов

Тополиная фата

Волнуясь от теплого счастья тополиного пуха, набирал его белые кружева в руки, подносил к ее волосам и бережно обдувал их со всех сторон, и Тоня его становилась невестой.

– Ты спрашивала о свадебном подарке, принимай первый.

– А где мы кольца возьмем обручальные?

– Оно будет, но одно на двоих.

– Толя, а как же его носить? Поочередно?

– Разберемся, пошли, оно заждалось.

Он подвел ее к трамвайному кольцу и велел идти по часовой стрелке, сам отправился против времени. Встретились, где минутная с часовой целуются, обнялись и стали мужем и женой.

– Слушай, Толя, как же мы оплошали, нельзя без свидетелей.

– А тополя? Они и есть наши с тобой свидетели.

Она была грешна перед ним тремя лишними годочками, у него грехов было побольше: и парта школьная, и мама преподаватель истории. На Толю все девочки заглядывались, он в оркестре играл на танцах в горсаду. На вырученные деньги водил свою любимую раз по десять на «Цирк», на «Чапаева», леденцами угощал, подушечками с малиновым повидлом. Мама по партийным и педагогическим соображениям была против всего этого. А какие мамы за любовь голосуют?

Толя перед уходом на фронт во дворе своего дома три тополя посадил. Постучал в окошко мамино ни свет ни заря, она выскочила испуганная, неприбранная.

– Мама, посмотри, как на фотографии: ты, папа и я!

Папу у них забрали в 37-м. Толя до фронта не доехал, состав в пути разбомбили. Весь их вагон до единого в братскую могилу отправили. Раиса Павловна похоронку получила, но не сказала о ней никому. А раз никто не знает, значит, жив ее Толик, и три тополька за окном живы. Тоню, жену его, она на порог не пускала, да и какая она ему жена, так, знакомая по танцулькам. А та весточки от мужа ждала, да не дождалась. Дочку родила, сказки ей про тополиного папу сказывала. А как в самом конце войны хворь прихватила, написала для дочурки адрес бабушки, в кармашек платица сунула и велела после смерти своей к ней идти.

В самом начале пятидесятых самовольные постройки сносить стали, ордера выдавали кому на комнату, кому на квартиру. А во время стройки кто о тополях думает? Раиса Павловна все высокие пороги обила, умоляя сохранить деревца, в память о муже и сыне. Не услышали голос ее в больших партийных кабинетах. Тогда она написала подробное письмо кумиру своей юности маршалу Буденному. И прилетела весточка с Москвы в обком

партии. «Тополя не трогать. Буденный». Вот так, благодаря легендарному маршалу, семья тополияна сохранилась. Раисе Павловне комнату в новом доме выделили с видом на тополя эти. Однажды она только-только спать собралась, как стук в дверь. Открывает, а там девчонка-подросток стоит.

– Здравствуйте.

– Здравствуй, ты чего так поздно одна по ночам разгуливаешь?

– Мама у меня умерла, а я внучка ваша.

Кольцо трамвайное снесли, заступиться за память обручальную было некому, умер маршал Буденный. А три тополя на улице Энгельса до сих пор стоят: папа, мама и Толя. В тополиную пору те, кто тайком от родителей венчаться задумали, за фатой сюда приходят. И парни так же, как Толя когда-то, обдувают с ладоней волосы своих девчат белыми кружевами пуха, и те превращаются в тополиных невест.

Александр Попов

Мы встречаемся в дни, кратные любви. Их пять в каждом месяце. Этот выпал на пятницу. Я в который раз безуспешно пытался закрыть ее от всего и всех поцелуями. У нас с ней нет слов, нам хватает губ и пальцев. Я ловил ее глаза в свои – у нас игра такая, кто чьи глаза догонит. В этот раз произошло невероятное: она заговорила, осыпала меня словами, поразила их избытком и смыслом.

– Милый, на тебя солнце упало. Прости, мне хотелось разглядеть тебя всего до последней капельки. Оно услышало и свалилось мне на помощь. Не пугайся, лежи и не двигайся, я сейчас сниму его с тебя.

Я замер от необычности слов, от бега ее пальцев по спине, от солнца.

А глаза мои ее глаза поймали и тонули в них от счастья. Очнувшись, с восторгом стал уходить от себя, проникая во все ее глубины. Чуть-чуть бы – и успел...

...Мы взорвались. Дрожали окна, с потолка, со стен пошел снег, жесткий, сухой, колючий. Стонали

двери, шкафы плакали посудой, заблажил кот, собака волком завывала. За окном машины давились сигналами. Послышались испуганные крики людей. И тут меня прорвало:

– Солнышко мое, прости, так сильно, как я тебя люблю, любить нельзя. Видишь, что любовь моя натворила!

– Ну и пусть, всё пусть.

– Нет, нет! Так не должно быть.

– Ну, что ты такое говоришь, успокойся, обними меня... Это где-то там взорвалась машина или газ, не уходи от меня, не смей так думать.

– Нет, пойду, мне кажется, там из-за нас пострадали люди.

Я мигом оделся, выскочил на улицу. Она была полна людьми и небом, свалившимся на них.

– Что случилось, что?

– Самолет взорвался там.

– Его ракетой сбили.

По низкому небу шел огромный белый шов. Хотелось вернуться к ней, в ее тепло. Дозвониться не смог, сотовая связь пропала. Было страшно и стыдно перед людьми, что наша любовь сотворила такое. Кто-то кричал об инопланетянах,

о комете, которой давно грозили. Люди не знали, что это мы с ней осмелились так любить друг друга.

Я шел и каялся, а под ногами скрипели выпавшие из окон стекла. Мне не терпелось хоть кому-то признаться в своей вине, но слов внутри не находилось, голова

была пустой и звонкой от вины и счастья.

Неделя минула, а я до сих пор не могу понять, кто, как, откуда в меня сказал: «Места в мире много и времени у него достаточно, да вот только редкие места и нечастое время любовью именуется, а так всё люди, люди, люди...»

В разных частях тела время по-разному течет, руки и губы мои из счастья слеплены, а сердце о людях ломит.

Простите нас, если сможете, мы с того утра громкость в любви поубавили. Особенное спасибо администрации города и страны, нас не наказали, не преследуют нас и окна не за наш счет вставляют.

Те, кто догадался, подходят, благодарят, – жить при новых окнах светлее стало.

Александр Попов

Город,
в котором
Я живу

Набережная реки Миасс

Я живу в городе, где много парикмахерских и аптек, поэтому у нас совсем нет больных и лохматых. В соседнем городе царя убили, а на нашем вокзале Ленин выходил оправиться, на это место фонтан водрузили, круговорот воды в природе. Немецкий

поэт Гейне утверждал: «Злые собаки в намордниках задом лают». У нас воздух чистый, собак в намордниках не держим, они у нас даже малую нужду на клумбах справляют, а в детских песочницах – другую. Умные твари знают свое место.

Вход в отделение банка «Уралсиб» по улице Чувильгина

Я живу в необыкновенном городе, пассажиры наших маршруток вежливо просят водителей: «Остановите на остановке». И вы не поверите, останавливают иногда и там. Гости города от таких слов в задумчивость впадают.

С шахматной точки зрения город удивительно содержателен и богат.

Пешкам у нас не место. Пешеходы не наш жанр. Зато в машинах одни слоны, ферзи и короли барствуют.

Центры дворов у нас являются знаковыми, другим объектам своих мест ни за какие коврижки не уступят. Вокруг них собаки, голуби, бомжи хороводы водят. Такое

единство птиц, животных и людей впечатляет.

А люди наши непритворны, нам стаканы без надобности – пьем из горла. Какое подспорье казне, посудомойкам и врачам! Из закусок предпочтение оказываем семечкам, их кожура на асфальте уют домашних ковров воссоздает. Да и птицы довольны, твари небесные, людей всегда поддержать готовы.

Водонапорная башня по улице Коровского

Травмоопасные объекты, какими являются лавки во дворах и скверах, власти убрали, за что огромное им спасибо. В прежние времена соображать приходилось, куда ноги, куда что повыше их приспособливать. Я живу в симпатичном городе: люди у нас досуг на корточках проводят, укрепляя при этом коленные суставы. И самое главное, у нас нет унижающих человеческое достоинство «Ж» и «М». Мы эти акции в кустах акации проводим и не дуемся, а думаем о круговороте воды в природе. И под землю не спешим: метро прорыли, а оно без надобности, неба там нет, а у нас над головой с лихвой и синевы, и облачности.

Да, чуть не забыл, мы Китай обскакали по основной статье. У тех фейерверк по праздникам, у нас праздники всегда. Вот в таком городе я живу и другие города мне по барабану.

Власти величают нас ласково – подъездными жильцами, руки жмут и улыбаются.

Александр Попов

*Листовница у дома
В.М. Калбина, ул. Трудца
(бывшая Сибирская)*

Родничок

Осень – мое любимое время года. Осень – и этот сквер над рекой Миасс возле Дворца культуры ЧЭМК. Здесь, напротив, в доме номер 45-а по улице Российской, началась моя жизнь более полувека назад, здесь прошло мое военное детство и юность.

В этом сквере назначались первые свидания, проливались первые слезы. Сюда, на берег Миасса, я приводила потом своих детей – дочку и сына, а когда они стали взрослыми – внучек, Машеньку и Настеньку, приведу и внука Илюшку, когда он подрастет.

Этот сквер, маленький зеленый островок среди большого шумного Челябинска, обладает какой-то волшебной способностью успокаивать, возвращать силы и надежды. Я часто прихожу сюда одна, особенно осенью, когда все чувства обострены до крайности, и всё видится в черном цвете.

Сегодня я снова стою на гранитном выступе обрыва. Вокруг всё серое: небо, воздух, вода в Миассе. Крупные капли редкого дождя тоже серые. В разрывах туч

изредка показывается скучное солнышко, совсем ненадолго, и тут же тучи прячут его в свои глубины. Ветер налетает порывами и швыряет под обрыв сорванные с берез листья. Покружившись в воздухе, они исчезают вниз. Над серой пенеленой воды стремительно пронесется чайка и тоже исчезает. Как только они тут живут? Еще десять лет назад в Миассе можно было купаться. Сейчас нельзя, настолько он грязен. Но ребятишки купаются. Река всё же.

Под обрывом, как раз подо мной, есть маленькое чудо – родничок с живой водой. Вокруг грязно, замусорено, а он, упрямый, пробивается из горы, по капельке – прозрачный, холодный, чистый. До чего же вкусна вода из него! Когда мне совсем худо, я собираю в ладошку эти драгоценные капельки и, наслаждаясь, пью. Живая вода.

Темнеет. Напротив, на том берегу, в девятиэтажках засветилось множество окон. А когда-то на месте этих громад был поселок из маленьких деревянных домиков. Ни один из них не был похож на

Есть осень. И есть я. Здесь начало моей жизни, и здесь, только здесь она окончится.

Нелли Ваторопина

другой. Во время половодья Миасс становился грозным, и первые две-три улицы от реки заливало до самых окон. Возле домов дежурили на лодках, чтобы случайно льдиной не задело домик. Зато весной,

в пору цветения, и на этой стороне можно было опьянеть от аромата цветущей сирени и черемухи.

Ничего этого больше нет. Но есть сквер. Есть крутой обрыв над Миассом. Есть родничок с живой водой.

В фотоколлажах Александра Потапова к этой книге использованы работы челябинских фотографов, в том числе:

Виктора Баскова, Владимира Боже, Александра Исакова, Юрия Катаева, Константина Теплоухова, Вячеслава Шишкеедова.

В оформлении книги использованы фотоработы:

Александра Потапова – стр. 34, 40, 41, 46, 55 (справа), 68, 81, 89, 93 (вверху), 106, 108, 109, 113;
Константина Рубинского – стр. 47, 58, 80, 85, 93 (внизу), 102;
Сергея Жаткова – стр. 105;
Владимира Белковского – стр. 38,

а также фотографии из открытых источников.

Содержание

Андрей Яншин. Об этой книге	5	Константин Рубинский. Маска, я тебя не знаю	63
Михаил Фонов. Мир за горизонтом	7	Леонид Пивер. Эй, вратарь, готовься к бою	66
Михаил Фонов. Первый центр	10	Константин Рубинский. Левиафан	69
Сергей Ефремцев. Солёный угол	15	Александр Попов. Ченч	72
Михаил Фонов. Челябинцы всех времен	20	Сергей Нефедов. Лунная походка	74
Михаил Фонов. Дом Покровского	26	Александр Попов. Боевая подруга	78
Михаил Фонов. Злачный угол	28	Леонид Пивер. Жертва «холодной войны»	81
Ростислав Ярцев. Собор	32	Константин Рубинский. Дело – табак	84
Константин Рубинский. Неизданное стихотворение Бальмонта	36	Константин Рубинский. Аид по-советски	86
Вячеслав Лютов. «Чья? Пока еще ничья...»	38	Сергей Ефремцев. Всеснежинск	90
Михаил Фонов. Орленок	42	Михаил Фонов. Кировка	93
Михаил Фонов. Алое поле	45	Михаил Фонов. Главная площадь	98
Александр Чумовицкий. Про тайны мавзолея	49	Вячеслав Лютов. Сплав и слово	104
Александр Чумовицкий. Про Хромого Сталеваара	43	Александр Попов. Тополиная фата	108
Сергей Ефремцев. Чай из трилистника	56	Александр Попов. 9:20	111
Александр Попов. Дедушка- голышка	58	Александр Попов. Город, в котором я живу	114
Александр Попов. Кольцо любви орловой	60	Нелли Ваторопина. Родничок	118

Изготовление книг, подарочных альбомов, презентационных
буклетов и другой полиграфической продукции.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГОРЯ РОЗИНА

Тел.: +7 904 812 18 07, +7 952 517 22 51, (351) 731 10 84

BOOKCHEL.RU, WWW.ZENON74.RU

Мифы и были

Челябинска

Литературно-художественное издание

12+

Ответственный редактор *Андрей Яншин*
Оформление – *Владислав Кугаевский*
Корректор *Анна Ясенева*

Подписано в печать 05.09.2016
Формат 84×108/16
Гарнитура Pragmatica. Заказ № 5039

Издательство Игоря Розина

Тел.: +7 904 812 18 07, +7 952 517 22 51

E-mail: isrozin@yandex.ru

Сайты: bookchel.ru, www.zenon74.ru

Отпечатано в ООО Типография
«Полиграф-Центр». 454006,
г. Челябинск, ул. Свободы, 2, пом. 10